

18+

Багорт

ТОМ 1

*Суворова
Анастасия*

Анастасия Суворова
Багорт. Том первый

«Издательские решения»

Суворова А. В.

Багорт. Том первый / А. В. Суворова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909126-0

Багорт — цветущий, благодатный край сотворенный древней нерушимой магией. Законы Источника почитающиеся в нем сплетаются в охранительную завесу от чужеземцев. Но у Багорта есть недруги и они не гнушаются использовать далекую Землю, втягивая ее обитателей в свои интриги. Так Дея и Ян по чьей-то злой воле попадают в сжимающиеся тески враждебности двух могущественных сил. Сами того не желая, они оказываются втянутыми в мрачную историю, начало которой было положено еще задолго до их рождения.

ISBN 978-5-44-909126-0

© Суворова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Багорт. Том первый	6
Пролог	8
Чудной иностранец	10
Странное место	13
Стена	23
Где-то здесь	31
Мрачное видение	38
Решение	50
Ждана	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Багорт Том первый Анастасия Валерьевна Суворова

Анастасия Суворова *Иллюстратор*

Анастасия Суворова *Дизайнер обложки*

© Анастасия Валерьевна Суворова, 2020

© Анастасия Суворова, иллюстрации, 2020

© Анастасия Суворова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-9126-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багорт. Том первый

От автора

Здравствуйте, дорогие читатели! Перед вами первый том романа «Багорт». Это мое дебютное произведение и я благодарна Вам за то, что вы обратили на него внимание.

Так же я хочу выразит благодарность тем людям, которые поддерживали меня в моем начинании: моему мужу Роману и подругам: Марианне, Наталье и Соне. Цените друзей и родных, с их помощью невозможное становится возможным).

Приятного чтения).

Пролог

Когда на утомленный весенней моросью Петербург спускались влажные сумерки, Петр Кузьмич уже предвкушал томный вечер наедине со шкаликом, еще накануне припрятанным в остекленевший сугроб. Но мечтаниям его не суждено было сбыться.

Все началось, когда его взору открылась престранная картина. На вверенной ему территории, а именно на территории детского дома №14, что на Съезжинской улице, прямо посреди газона, из звенящего каплями воздуха – то есть откуда ни возьмись, образовался странный тип.

Одет он был в столь чудной костюм, что Петер Кузьмич решил, будто тот сбежал напрямиком с театральных подмостков.

Завидев колоритную фигуру Петра Кузьмича, наглый тип направился напрямиком к нему. Лучезарно улыбаясь, он принялся лепетать что-то на непонятном языке, протягивая огромную корзину, из которой во все стороны торчали белые кружавчики.

Растерявшийся Петр Кузьмич, зачем-то принял корзину и уже собирался объяснить чудак-коватому гражданину, что ни бельмеса не понял, как тот радостно замахал ему рукой, отступая к тому месту откуда возник. А затем также бесцеремонно исчез, как и появился.

Цепenea, Петр Кузьмич подумал, что с ним случился очередной приступ белочки. Но происходящее не было навязчивой галлюцинацией. Тяжелая корзина, набитая тряпками, никак не желала рассеиваться. Тогда он приподнял белоснежные тряпицы и ахнул.

На Петра Кузьмича взирали две пары чистых, незамутненных жизненным опытом глаз; зеленых и серых. Мальчику на вид было чуть больше года, а зеленоглазая девочка оказалась новорожденной крошкой.

К очаровательным малышам прилагались две карточки со странными каракулями и конвертик, в котором приятно позвякивали блестящие тяжелые кругляшки.

– Да, нарисовались, не сотрешь, – философски заметил Петр Кузьмич и вместе со своей ношей направился напрямиком в убогонькое здание интерната, предварительно сунув в карман конвертик.

Чудной иностранец

Дея всем своим юным сердцем тянулась к миру прекрасного и, по иронии судьбы, не доступного ее карману, а именно к живописи. Она частенько бывала на Невском, разглядывала выставленные на продажу картины. Торговцы, безошибочно распознавая в девушке несостоятельного покупателя, у которого денег не хватило бы и на подрамник, нещадно гоняли ее. Но Дея приходила снова и снова, влекомая этим загадочным, потусторонним миром – миром, что скрывался за обманчивой плотностью холста.

Эти нечастые променады, наполненные терпкими запахами масла и даммарного лака, шелестом бумаги и скрипом сангины удивительным образом расцвечивали ее унылые будни. Наблюдая за работой уличных художников, она словно окуналась в сказку, где возможным казалось абсолютно все. На хрустящей крафтовой бумаге оживали удивительные образы. Люди, позировавшие мастеру, зачастую были скучны и невзрачны. Но то, что выходило из-под руки рисовальщика, несло в себе и жизнь, и красоту, было притягательным, энигматическим, волнующим воображение.

Сегодняшний весенний день, был именно таким днем – наполненным звуками суетливого Невского и волшебными, оживающими на бумаге персонажами.

Старательно изображая, что дожидается автобуса, Дея следила за тем, как художник рисует курносую конопатую девчонку. Ее восхищала виртуозность, с которой мастер воспроизводил образ натурщицы. Он скользил угольным карандашом по бумаге, но рисовал не глазки, носик или канапушки, а распознавал, выводя на свет бутон ее истинной красоты, что распулся с натужным скрипом из невзрачной оболочки.

Дея стояла чуть вдалеке от всей этой мистерии и представляла, как, должно быть, скрипит и крошиться уголь под умелой рукой мастера, когда вдруг ее настойчиво похлопали по плечу. Обернувшись, она встретилась лицом к лицу с улыбающимся во весь рот мужчиной, диковатой наружности. Одет он был в старомодную тройку, голову покрывал котелок, а в руке вертелась трость, но при этом чудака был бос.

Дея вопросительно посмотрела на незнакомца, решив, что это иностранец, у которого на Петропавловке стащили туфли. Он же, оправдывая ее догадку, залепетал на неизвестном языке, тыча тросточкой в художника, за которым она наблюдала. Девушка упрекнула себя за то, что не уделяла должного внимания языкам и теперь вынуждена конфузиться перед гостем города, потому как в этой ситуации могла лишь мило улыбаться.

Иностранца это, судя по всему, вполне устроило. Он неожиданно выудил из кармана два помятых билетика и, всучив их Деи, поспешил слиться с толпой. Она принялась искать взглядом сбежавшего господина, чтобы поблагодарить, но он очень быстро скрылся из виду.

Дея посмотрела на билеты. Там красовалась надпись: «Музей-квартира Исаака Израилевича Бродского». Зажав в кулачке драгоценный клочок бумаги, она торопливо набрала сообщение своему другу Яну и пошла дожидаться его на площадь искусств.

Девушка уже в сотый раз пересчитывала складки на одеждах бронзового Пушкина, когда высокий, вихрастый парень с вздернутым подбородком и бойкими серыми глазами подкрался к ней сзади.

– Угадай кто? – спросил он, прикрывая глаза подруги ладонью.

– Добрыня Никитич, не иначе, – отозвалась Дея.

– Лестно конечно, но нет, не он.

– Ну ладно, Ян, кроме шуток, мне сегодня один иностранец всучил билеты в этот музей, – она указала на массивную деревянную дверь, скрывающую немислимые сокровища, готовые предстать их взору.

– Тогда нам стоит воспользоваться ими, – ответил Ян, подавая девушке руку.

Они пересекли площадь Искусств и, отворив тяжелую дверь, скрылись за нею.

– Дея, а почему на фотографиях в музее Бродского нет самого Бродского? – в недоумении шептал Ян, дергая подругу за рукав.

– Ну как же нету, – она указала на групповое фото, висевшее прямо над проходом в комнаты, – вот же он! В центре.

– Это квартира не Иосифа Бродского? – сконфужено шепнул парень.

– Это квартира художника – Исаака Израилевича Бродского.

– А-а-а, я и удивился, чего это тебя в музей писателя потянуло, – рассмеялся Ян.

Под пытливым взглядом контролера они прошли в храм искусства и шумно вдохнули особенный музейный воздух.

– Как здорово, что у этого чудака оказались билеты именно сюда! Я обожаю музеи-квартиры, – щебетала Дея, проходя вдоль застеклённых столов с фотографиями и стен увешанных картинами. – В них есть, как бы это выразиться... дух времени что ли.

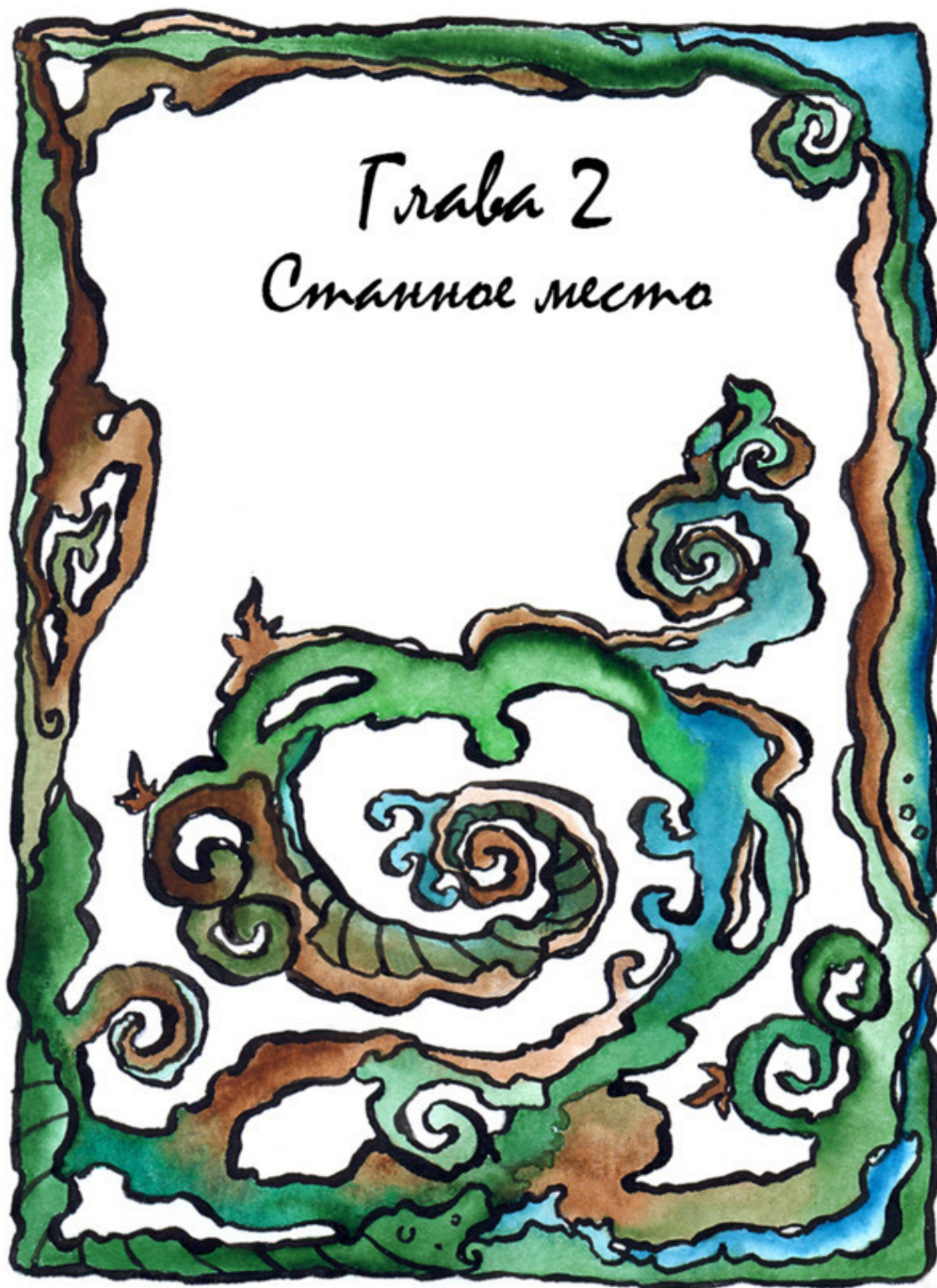
Так обмениваясь впечатлениями и перебрасываясь комментариями, они проходили от одного экспоната к другому, пока не дошли до второго зала. Там вниманием Яна завладел небольшой этюд Айвазовского. И пока парень гипнотизировал картину, Дея ходила вокруг огромного стола располагавшегося в центре зала, что служила когда-то гостиной. Она вообразила, как Бродский в свое время принимал здесь гостей.

«Как, должно быть, интересно и поэтично они проводили вечера», – размышляла девушка, когда в проеме возник тот самый иностранец, что презентовал ей билеты. Он по-прежнему был необут, но не это смутило Дею. Ей стало не по себе от пристального, бесцеремонного взгляда, которым чудной иностранец обшаривал ее друга. Подойдя к Яну, Дея взяла его за руку и повела в следующее помещение, подальше от этого неприятного господина.

Комнатка, в которой они оказались, была крохотной – имела лишь камин обшитый деревом и лестницу ведущую на второй этаж. Но и здесь не обошлось без экспонатов, каждый сантиметр стен был занят полотнами. Пока друзья разглядывали их, в дверцу располагавшуюся под лестницей просочился тот самый подозрительный босой. Когда же парочка осмотрев второй этаж, спускалась вниз, что-то возбужденно обсуждая, иностранец вышел из каморки, держа под мышкой небольшую картину в старинной раме. Нырнув в камин, он исчез, оставив в золе странное полотно.

– Я что-то видел, – проговорил Ян, указывая на рисунок бесцеремонно брошенный в топку.

Они торопливо приблизились к камину и задержались у резного произведения искусства на одно лишь мгновение. Но этого оказалось достаточно, чтобы стряслось непоправимое. По случаю, в этот самый момент рядом с ними не оказалось ни одной живой души, поэтому тот факт, что Дея с Яном просто исчезли, так же, как и удивительный иностранец, остался никем не замеченный.

Странное место

Пролетев резвой стрелой вдоль полос ослепительного белого света, который сменило коловращение красок, друзья приземлились на что-то твердое и влажное.

Первой в себя пришла Дея. Она приподнялась на локтях и развернулась к единственному источнику света. Уставившись на луну, парящую в небе, девушка оцепенела. Ей показалось, что земной спутник, загудев как труба, лопается и заливает все вокруг каким-то невероятным холодным светом. Не успела Дея опомниться, как звезды вторя светилу, задрезжали, готовясь осыпаться в одночасье.

Мысли в голове несчастной кружились обрывистые, несвязные и совершенно невозможные. Дея завертела головой в поисках друга. Ян ползал на четвереньках, пытаясь подняться на ноги. Но не успела она приблизиться к нему, как свечение, окружавшее их, вспыхнуло, и в этом кольце света отчетливо вырисовывались силуэты людей в длинных развивающихся плащах.

Что-то пугающе, неестественное было в этих фигурах. «Их одежды колышутся, но ветра нет», – мелькнуло в голове у Деи и ее охватил древний, липкий ужас.

Плащи двинулись на них, смыкая кольцо все уже и уже. Чем ближе они подходили, тем отчетливее девушка различала посреди бушевавшего свиста и рева отдельные фразы на непонятном языке, которые повторялись снова и снова.

Кольцо окончательно сомкнулось, и Дея увидела, что не люди из плоти и крови, а бестелесные тени, протягивали к ним свои бесконечные, иссохшие руки.

Она спрятала лицо в ладонях, как будто это могло отгородить ее от надвигающегося ужаса. Но тут одна из теней слала таять, разрывая круг. Поочередно огни начали гаснуть, и пронзительно вопя, оставшиеся призраки разлетелись, с грохотом разбиваясь о каменные стены, что виднелись вдалеке.

Только теперь Дея осознала, что очутилась в лесу, окруженном отвесными скалами.

Охваченные паникой друзья побежали, не разбирая дороги, которой в действительности здесь и не было. Продираясь через бурелом, изодрав юбку и потеряв одну туфлю, Дея пыталась не отставать от Яна. Но одолев препятствия и добравшись до края леса, друзья поняли, что оказались в ловушке. Скалы плотно смыкались, образуя своего рода крепость. Их верхушки устремлялись ввысь, теряясь в облаках. По близости ни выхода, ни хотя бы какого-нибудь лаза видно не было.

Дея устало опустилась на ближайший камень. В голове у нее была полная сумятица. Казалось, будто в нее набилась стая птиц и, судорожно полоща крыльями, что-то выкрикивала. Ушибленное колено ныло, горели изодранные в кровь ладони. В отчаянии она швырнула вторую туфлю в скалу. Удар не был сильным, но над горами прокатилось чудовищное эхо. Ян, исследовавший тем временем каменную стену, вздрогнул.

– Дея, не отчаивайся, – говорил он, пытаясь, утешит себя самого, – мы, что-нибудь придумаем! Обязательно придумаем!

Но, несмотря на подбадривания друга, Дея уже завладевало чувство безысходности. Она вскинула на Яна унылый взгляд и осторожно спросила:

– Как ты думаешь, мы с тобой видим одно и то же?

– А ты считаешь, могут быть варианты?

Дея дернула плечами и уронила голову. Она более не владела ни ситуацией, ни собой.

– Если ты скажешь мне, что не видела никаких теней, что эта громадная стена – камин, который мы рассматривали совсем недавно, а твои руки не изодраны в кровь, я буду весьма этому рад. Кстати, твоё платье мне очень нравилось и я также буду рад, если оно останется невредимым.

– Боюсь, мне нечем тебя порадовать, – с горечью ответила Дея – судя по всему, мы видим одну и ту же иллюзию.

– Не хочу тебя расстраивать, но то, что я вижу, не кажется мне иллюзией. Слишком уж здесь холодно.

Дея поёжилась, словно соглашаясь с Яном, а потом поднялась на ноги, чувствуя потребность в каких-нибудь действиях, каких угодно, главное отвлекающих от роковой действительности. Она принялась ощупывать ладонями каждый сантиметр стены, в надежде отыскать хотя бы крохотную расщелину. Так она ходила вдоль скалы, пока не услышала странный скрежет. Дея обернулась на звук и увидела, как сквозь камень стал просачиваться свет. Ян тоже застыл неподалеку от нее, уставившись на зияющую трещину.

Они не понимали, что происходит, пока щель, образовавшаяся в скале, не стала расширяться. Свет пробивался через маленький пролом, который стремительно разрастался, превращаясь в лаз.

– Дея, чего ты встала?! – воскликнул изумленный Ян, – идем скорей!

– А ты уверен, что это электрическое освещение из музейных комнат? – насторожилась девушка.

– Нет, не уверен, – покачал головой Ян, – но свет с той стороны прельщает меня больше чем здешний мрак и холод.

Когда-то, в кажущейся теперь невообразимо далекой другой жизни Дея любила размышлять о том, что скрывается за нарисованными картинами. Она представляла, как они с Яном оказываются по ту сторону холста – в далеких мирах, отображавшихся на полотнах лишь эхом дивных мест.

Она витала в своих грезах часами, даже не предполагая, что однажды они станут явью. Задумывалась ли Дея о том, как это будет в действительности? Конечно нет, ведь она была убеждена, что это лишь фантазии, которым не суждено сбыться. И уж конечно в них не было места мрачным призракам, холодным скалам и всему тому, что их за ними еще может ждать.

В последние годы в их с Яном жизни вообще не оставалось места детским выдумкам. Они выросли и теперь их прежние мечты каждый день разбивались вдребезги, сталкиваясь с суровой и скучной действительностью.

Дея бросила короткий взгляд на лес за их спинами и сделала шаг вперед, отважившись сыграть с этим местом в его странную игру. Она решила, что хотя бы попытается, воспринимать все так, будто это в порядке вещей. В конце концов, в мире всегда будут существовать явления, о которых она ничего не подозревает, но это же не значит, что их нужно отрицать. Почему бы не позволить себе, поверить в чудо. Ведь не может же это место быть на все сто мрачным? Во всем есть и черное, и белое, а это значит, что в картине, по которой они теперь блуждают, непременно должен быть светлый уголок.

Перебравшись на другую сторону, они с Яном на мгновение зажмурились. Свечение, что заставило их выбраться из темного леса, ослепляло, и прийти в себя после всех потрясений друзьям не удалось.

Не успели они разомкнуть веки, как на них свалилась очередная напасть. Негромкий, но уловимый шорох донесся со стороны кустарника. Звук надвигался прямо на них. Яркий же луч света, привлечший Яна, тоже прятался в листве. В остальном, тьма была такая же, как и по ту сторону скал – непроглядная. Лишь слабый свет по-прежнему пульсирующей луны, ласкал шапки кустов, да тропку, на которой стояли Ян с Деей.

Оцепенев, друзья схватились за руки и буквально вросли в землю.

«Как хочется упасть в обморок», – подумала Дея, но сознание упорно не желало ее покидать.

Заросли разомкнулись, и перед ними возникло нечто. Существо очертаниями походившее на человека, висело в воздухе, а его размеры были столь внушительны, что превосходили даже богатырское сложение Яна.

Деи сделалось дурно. Девушка не привыкла, чтобы над ней так вот бесцеремонно нависали. Пришлось напомнить себе о решении, которое она приняла прежде, чем выбраться на эту сторону.

– Вечер д-добрый, – выдавила она из себя приветствия, подумав, что любезность никогда еще не вредила, особенно в непонятной ситуации.

– Грллррллл грллллл, – пропело существо.

– Это ведь даже не латынь, да? – прошептал Ян.

Дея покачала головой. Непонятное существо скрылось в кустах и принялось ожесточенно ими шуршать.

– Ян, чего оно там делает, как думаешь? – испуганно спросила Дея.

– Не знаю. Может, ищет заначку, чтобы распить с нами по бокальчику пенного за знакомство, – попытался отшучиваться Ян, но Дея видела, как его пробивает дрожь.

– Какое там пенное?! Боюсь, до трапезы нам не дожить. Надо делать ноги, пока они у нас есть.

Но осуществить задуманное у них не вышло. Существо вернулось, и Дея отметила, что пенного оно с собой не прихватило. Оно внимательно и молча изучало друзей немигающим взглядом.

– Ян, ну надо же что-то делать, в конце концов, – зашептала Дея, сбиваясь на каждом слогe. – Давай так; это место имеет свой, как бы это сказать, колорит что ли. Нам нужно искать что-нибудь, что выбивалось бы из общей картины. Это что-то может быть порталом.

– Порталом? Ты Гарри Поттера перечитала!

– А нас, по-твоему, сюда по wi-fi переслали?

– Ну ладно, идея с порталом мне кажется более правдоподобной, – согласился Ян. – Слушай, а Оно так и будет на нас пялиться?

– Пялллиться – пророкотало что-то прямо у Деи в голове.

Девушка была уверена, что это произнесло именно Оно.

– У вас сссстранный язык, ссссложный, – невозмутимо пропело существо.

– Ага, богат и могуч русский язык, сами с трудом осваиваем, – нашелся Ян.

– Вы кто такие? – прошелестело существо.

– Идиоты.

– Мы люди, – встрепенулась Дея.

– Люди? И откуда же вы пришли, люди?

– Из музея, – поспешил ответить Ян.

– А если вы объясните нам, куда именно мы пришли, мы будем очень признательны, – продолжила Дея, думая, что все-таки она вконец свихнулась, если решила вступить в разговор с персонажем картины.

– Вы хотите сказать, что не знаете, где находитесь? – удивилось существо. – Может, вы еще и не знаете, как попали сюда?

– Не знаем, – заверила его Дея.

– Понятия не имеем, – подтвердил Ян.

Существо молча повернулось к ним спиной и поплыло вглубь леса, поманив за собой.

– Постойте, вы не хотите нам ничего объяснить? – обеспокоенно спросил Ян, нагоняя странную тварь.

– Я всего лишь граничный Страж, я не в праве вам что-либо объяснять. Пожалуй, отведу вас к Вайесу, он решит, как с вами быть.

– Послушайте, не надо нас никуда вести! – взмолилась Дея. – Мы хотим домой, просто верните нас в музей и все.

– Это не в моей власти. Но вот доставить вас в Мармгор, мне вполне под силу.

– Мрамгор? – пропищала Дея, словно услышанное слово звучало как приговор.

– Именно. В мои обязанности входит доставлять всех неопознанных к начальнику стражи. Но на ваш счет я получил особые инструкции, так что отведу вас напрямиком к Вайесу. Он и расскажет все, что сочтет нужным, – пророкотал Страж таким тоном, что друзьям сразу сделалось ясно – дальнейшие расспросы бесполезны.

Не смотря на то, что и Дею и Яна терзал вопрос; когда именно Страж успел получить инструкции на их счет, все трое двинулись в сторону некоего Мрамгора.

Ян шептал Деи в самое ухо:

– Ты думаешь, это хорошая идея идти неизвестно куда, да еще не пойми с кем?

Дея полностью разделяла настроение Яна, но так же она осознавала и то, что оставаться в лесу одним совсем уж не умно.

– Послушай, всего несколько минут назад нас, возможно, хотели убить или, может, еще что похуже сотворить. И те ребята не показались мне симпатичными. А этот Страж очень даже мил. И я не знаю, если честно, что меня пугает больше – остаться в лесу или попытаться хоть что-то прояснить у этого Вайеса. И потом, не забывай – это ты настоял перелезть на эту сторону.

Ян кивнул, соглашаясь с доводами подруги, и они смиренно побрели за Стражем, что освещал им путь своим фонарем. Продвигаясь вперед по едва заметной тропе, Дея отметила, что лес не казался ей больше таким пугающим, это странное место даже стало напоминать ей дом. Стволы деревьев вполне могли принадлежать вязам или дубам, правда, определить это было затруднительно, потому как ветви их скрывались в облаках. А может эта небесная дымка и была вместо кроны? Сложно понять, когда эти самые облака сомкнулись сплошным покрывалом, пряча в сизом мареве тусклые отблески луны.

– У вас всегда такая облачность? – поинтересовалась Дея у стража.

– Да, ночью границы города должны быть под удвоенной защитой. Облака – это одно из укрытий наиболее уязвимых мест.

– Если облака – это защита, то как, простите, мы умудрились через нее пролететь? – в недоумении спросил Ян. – Я абсолютно уверен, что мы падали откуда-то сверху.

– Это и странно, – со вздохом прогудел страж, глядя на них, как показалось Деи с тревогой. – Но мы уже пришли. Вайес вам многое объяснит, если сочтет нужным. Я же с вами прощаюсь, здесь мои владения заканчиваются.

Страж вывел ребят в чистое поле, края которого съедал густой туман. Простор был таким, что казалось, пузатые тучи затягивающие небо, жмутся к земле.

Их проводник произнес что-то на своем странном наречии, и медленно из дыма и пара возникли чугунные врата испещренные смутно знакомыми Деи символами. По обе стороны стояло двое мужчин исполинского роста. Судя по их облачению и устрашающему оружию они тоже были Стражами. Охранитель леса что-то долго объяснял верзилам у ворот, а потом, поклонившись Яну и Деи, удалился.

Привратники с минуту изучали нежданных гостей. Затем, перекинувшись парой фраз все на том же непонятном языке, открыли ворота, пропуская ребят внутрь.

– Дея, это фантастика! – Ян тряс подругу за плечи, не в силах сдержать изумления.

А удивиться действительно было чему. Представшая их взору картина поражала и более искушенных путешественников. Что уж говорить о двух подростках, проведших всю жизнь в городе отстроенном на болотах.

По сине-зеленому небесному покрывалу плыли стронциановые облака. В них тонули башни и шпили, венчавшие строение невероятных размеров. К тому же власть мрака здесь

не имела той силы, что давлена над ними в темном лесу. То ли за воротами было другое временное пространство, то ли Дея не заметила, как ночь, отступая, позволила мягкому свету, войти в мир. Он был еще слишком бледен, но уже соперничал со странно пожелтевшей и непривычно низкой луной.

Девушка вспомнила, как в начальных классах они с Яном получили задание на уроке рисования – изобразить дом своей мечты. Оба они не сговариваясь, нарисовали тогда белокаменный, величественный замок, что возвышался над раскинувшимся у его подножья городом. Это были всего лишь детские фантазии, и Дея никак не могла прежде вообразить, что когда-нибудь увидит их воочию.

– Держу пари, что во всем мире нет замка прекраснее, – с восхищением констатировала она, забыв о гнетущем страхе.

– Вы совершенно правы, – обратился к ней обитатель этих мест.

Он возник так же неожиданно, как и лесной Страж, но в отличие от него стоял на земле и даже походил на обычного человека. Невысокого роста, со вздернутым носом и огромными улыбочивыми глазами. Одет коротышка был в белую расшитую курточку с капюшоном и странные короткие штанишки, а на бедрах брэнча ключами, висел широкий пояс. В руках же коротышка держал какие-то объемные тряпки, волочащиеся по земле.

– Это лучшее деяние наших мастеров. Замок Мрамгор настолько древний, что никто уже и не помнит, сколько именно столетий назад его воздвигли.

Переглянувшись с Деей, Ян задал только один вопрос:

– Вы наш новый проводник?

– О да, следуйте за мной, я отведу вас напрямиком к . Но сначала наденьте это, – он смущенно протянул им тряпки, которые оказались длиннополыми плащами. *Нему*

– Зачем они нам? – удивился Ян, все же принимая подарок.

– Сами скоро увидите, – загадочно ответил проводник.

Спорить ребята не стали и облачились в шерстяные накидки.

– Капюшоны тоже лучше накиньте, – посоветовал коротышка.

Путь был неблизким, а проводник, ковыляя на своих кривеньких ножках, развивал довольно-таки скромную скорость. И эта его неторопливость давала друзьям возможность оглядеться.

От ворот тянулась широкая аллея, вдоль которой деревья (надо отметить, на первый взгляд вполне обычные) перемежались статуями воинов. В жиденьком, рассеивающемся тумане все казалось зыбким и нереальным. Проходя мимо каменных истуканов, Дея уловила плавное шевеление сопровождающееся скрежетом. От неожиданности она вздрогнула, но решила не оборачиваться.

Алея вела к круглой площади, центр которой украшала выложенная из цветного стекла мозаика. Под ней, судя по просачивающемуся свету, имелся тоннель, хотя возможно, подсветка была предусмотрена исключительно для красоты. Мягкая, растворяющаяся в тумане, она окрашивала площадь кобальтом, лазурью и золотым. От этого радужного великолепия словно лучи во все стороны отходили проспекты, улицы, улочки и даже одна тропинка.

Сначала их новый проводник свернул с площади на большой проспект, освещаемый многочисленными факелами. Тротуар был вымощен брусчаткой, и тяжелая поступь Яна раздавалась на пустом проспекте эхом, привлекая внимание немногочисленных прохожих, одетых так, будто они принимали участи в съемках исторического фильма. Прохожие реагировали странно; бросали короткий взгляд на Яна с Деей, а потом, подобрав длиннополые одежды, прятались в ближайшей подворотне или открытой парадной. Друзья переглянулись и поплотней закутались в плащи, пряча свои варварские наряды.

На привычный город Мрамгор походил мало, очень уж древние и в то же время хорошо сохранившиеся в нем были строения. Все дома поражали монолитностью и мрачной бру-

тальностью. Самые старые с потрескавшимися стенами отличались еще и чрезмерной декоративностью: бронзовые статуи, украшающие некоторые из домов, сочетались с диким камнем фасадов, многие окна были витражными, а двери преимущественно кованые. Крыши домов венчали крытые железом башни. Пробегающая сетка трещин вплеталась в замысловатые письмены и изображения, явно несущие в себе охранительную символику. Дея потрогала на ходу одно из таких изображений и подумала, что уже встречала нечто подобное и раньше, только вот где и когда, она вспомнить никак не могла.

Ян тоже с интересом крутил головой, но примечал совсем иные особенности Мрамгора.
– Круглосуточных магазинов здесь нет, – шепнул он ей на ухо.

Все остальные улицы и переулки тоже почти пустовали. Проводник повел ребят мимо домов, фасады, которых были искусно украшены цветным стеклом, затем они свернули на улицы, где нестройной вереницей тянулись домики попроще: богатое оформление здесь заменял плющ, обильно разрастающийся по фасадам. На флигелях сидели разноцветные птицы и с интересом разглядывали ребят.

– Странные птицы, – озвучила мимолетную мысль Дея, – не спят в такой час.

– Птицы? Конечно не спят, они же стражники, – отозвался проводник, удивляясь, что кто-то может не знать этого.

Странная компания еще довольно долго шла мимо поразительных строений, являющих собой невообразимую смесь романо-готического зодчества и пряничной русскости. Один из домов был весь в плесени и источал столь тошнотворный запах, что Дею замутило, а Ян остановился и с явным интересом принялся разглядывать его.

– О! Прошу вас не надо на нее смотреть, она этого не любит, может сильно рассердится, – с волнением лепетал проводник.

– А чей это дом? – любопытствовал Ян.

– Много будете знать, молодой человек, сон расстроится! – с явным недовольством заявил проводник. – Мы почти пришли.

Последняя улица, по которой они шли, оказалась самой удивительной. Строения на ней были преимущественно прозрачными, но на стеклянные не походили. Казалось, будто на каркас натянули огромный мерцающий пузырь. К тому же создавалось впечатление, что дома шевелятся.

– Готов поспорить, что эти дома живые, – шептал Ян, проходя мимо одного из них.

– Не говори глупостей, – одернула его Дея. – Это из-за освещения создается такое обманчивое впечатление.

Она выглядела раздраженной, но в действительности злилась на то, что Ян озвучил ее собственную, пугающую догадку.

В конце концов, эта улица привела их к широкому тракту, где ребят ждала бричка с запряженной в нее гнедой кобылкой.

– Отсюда поедем на колесах, – сообщил проводник.

– А почему по городу мы шли пешком, если вы нас так чурались? Ведь вы стеснялись нас, не отпирайтесь, иначе зачем плащи и капюшоны в пол лица? – спросила Дея.

– Не чурался, милая дитя, а лишь хотел отвести от вас лишние любопытные взгляды, только и всего, – ничуть не смутившись ответил коротышка, залезая на козлы. – Кажется, вы имели возможность заметить, что ваши..., – он пожевал губы, подбирая подходящие слова, – наряды не вполне соответствуют э-э-э...

– Моде, – помогла ему Дея, усаживаясь в бричку.

– Да, – подхватил проводник, трогаясь.

– Да было бы кого пугать, – усмехнулся Ян, – улицы-то совсем пустые были.

– Так без трех часов рассвет – самый сон у горожан. Вам можно сказать повезло и даже очень.

Бричка катила мягко, и Дею с Яном разморило, а когда они очнулись ото сна, то их экипаж уже стоял у ограды, замысловатый орнамент которой, сплетался из кореньев.

Проводник остановился у ворот и залязгал своей огромной связкой ключей, но вовсе не для того, чтобы снять один из них. Он искал в кармане платок. Достав измятый кусок сероватой ткани, он протер ладонь и приложил ее к тому месту, где полагалось быть замочной скважине. Только теперь Дея заметила, что вместо отверстия для ключа, там была вмятина, повторяющая силуэт человеческой руки, правда, более крупной, чем пятерня коротышки.

Ворота расступились, а как только все прошли внутрь, снова сомкнулись.

За оградой взору открывался великолепный сад с аллеей фонтанов, которая завершалась водопадом, ниспадающим прямо с неба. На деревьях росли чудные плоды и сидели птицы, столь потрясающие своим многоцветным оперением, что Дея даже ущипнула себя, решив, будто она спит и видит волшебный сон.

Девушка понадеялась, что сейчас их поведут по этой аллее, но проводник свернул вправо на узкую тропку и поманил ребят к освещенным башенкам моста перекинутого через ров. Позже, когда они преодолели внушительное расстояние от ворот до мраморного изваяния, Дея отметила, что ров был поистине странным – от него поднимался пар, скрывая основание замка и удушливый травянистый запах, от которого кружилась голова. Зато, представилась возможность, разглядеть замок вблизи. В свете луны он ослеплял белизной и походил на огромную пирамиду, в которой каждое последующее здание, возвышалось над предыдущим. Венчали эти сооружения замысловатые и стремящиеся пронзить облака башни. Замок, несомненно, был венцом города – расцвеченный мозаичными вставками, окутанный нереальным, внемлемым сиянием витражных окон и одухотворенный множеством статуй, что стояли каждая на своем посту, будто стражи.

Завораживающая симфония света, камня и стекла была столь эфемерной и осязаемой одновременно, что Дея начинала думать, будто все что ее сейчас окружает – это какая-то мистификация или шутка разума.

Пройдя мост, проводник повел ребят вдоль скалы. Так они брели до тех пор, пока не дошли до ступеней, ведущих к воде. Увлечшись архитектурным великолепием и игрой лунного света, друзья не сразу заметили исчезновения коротышки.

– Куда делся этот пройдоха? – встрепенулся Ян, заметив, наконец, его пропажу.

– Не знаю, – задумчиво проговорила Дея. – Тебе не кажется странным, что ступени обрываются? Обычно лестницы у водоемов заканчиваются пристанью и лодками.

– Ты права, – согласился Ян и внимательно уставился на бурлящую темную, воду. – А что если они не заканчиваются? Что если это проход? Куда-то ведь делся этот коротышка.

– Ну, уж нет! Я плохо плаваю, и... Ян, мне не нравится эта идея.

– Давай же, Дея, не трусь, надо проверить, – убеждал Ян, спускаясь вниз.

Дея отметила, что ее друга как будто стала забавлять ситуация, в которой они оказались. Сама же девушка предпочитала думать, что все это сон и вот сейчас она проснется и хорошенько посмеется над тем, какая глупость может присниться, если читать фэнтези до полуночи.

Ян тем временем уже спустился к воде и, оказавшись на последней ступени, обернулся, махнул ей рукой и, шагнув вперед, исчез под водой.

– Ян! – вскрикнула перепуганная Дея, бросаясь за другом.

Она сделала шаг, второй, но вот ступени оборвались, Дея пошатнулась и упала в ров. Она уже приготовилась к тому, что черная вода поглотит ее, но падение оказалось не долгим, через каких-нибудь пару секунд ее ноги коснулись абсолютно сухого пола. Дея задрала голову, уверенная что увидит водную толщу, но над ее макушкой оказался совершенно обыкновенный потолок.

В недоумении она таращилась, на него не веря своим глазам, потом поежилась и опустила взгляд. Мокрые волосы свисали сосульками и противно липли ко лбу, плащ отяжелел на целую тонну, а платье предательски просвечивая, неприлично облепило ноги.

– Я думал, что уже не дождусь вас, – раздался голос, почему-то абсолютно сухого проводника.

– Вы бросили нас! – возмутилась Дея.

– Не бросил, а оставил. Врата Дымных вод полагается отыскивать самостоятельно, провести через них нельзя, а преодолеть их можно только если у вас благие намерения. Того же, кто попытается пробраться сквозь врата со злым умыслом, возьмет вода. Давайте поспешим, Вайес уже ждет.

– Мы что же могли потопнуть, и вы нас даже не предупредили?!

– Не стоит возмущаться, барышня, я не заставлял вас сюда приходить.

Рассерженная Дея не нашла, что ответить и от бессилия закусила губу, последовав за проводником. Он подвел их к стене, нашарил на ней рычажок и опустил его вниз. Перед друзьями возникло нечто, по конструкции напоминающее лифт, они зашли внутрь и механизм пришел в движение. Когда подъемное устройство остановилось, все очутились в крохотном холле с одной единственной дверью, в которую и постучал коротышка.

Послышался голос, приглашающий войти, и вся компания зашла в помещение, служившее кабинетом, но очень и очень странным кабинетом. Стены и многочисленные предметы интерьера казались и близкими, и далекими одновременно. Также и размеры всей утвари чудились крошечными, но стоило сфокусировать на них свой взгляд, они вырастали до таких размеров, что не ясно было, как их вообще сюда втащили.

Из-за расписной шелковой ширмы вышел человек. Он был высокого роста, худощав, одет в капельно-белый балахон до пят. Определить его возраст оказалось затруднительно. Поражал контраст между абсолютно седой головой и невероятно острыми и молодыми глазами, которые обнаруживали пронизательный и живой ум. Казалось, будто он смотрит на тебя как на раскрытую книгу, в которой все, все про тебя подробнейшим образом расписано.

Деи от его взгляда сделалось не по себе.

– Вы человек? – поинтересовался Ян.

– Да, – мягко ответил Вайес, вне всякого сомнения, это был он, – а вы кого ожидали увидеть?

Его голос напоминал ветер в высокой траве и был столь умиротворяющим, что Дея невольно расслабилась, подумав мельком, что он их гипнотизирует. Но эта мысль, как и прочие, тут же улетучилась. Ей стало хорошо и спокойно.

– Я благодарю тебя, Вечко, ты можешь идти, – обратился хозяин кабинета к проводнику.

Тот отвесил чрезвычайно низкий поклон и ушел тем же путем, что и прибыл.

– Прошу меня простить, я не предложил вам присесть, – извинялся Вайес, указывая на два кресла, стоящих у камина.

Дея решила отказаться от любезного предложения, разглядывая расширяющееся темное пятно на роскошном ковре. С Яна натекло еще больше воды, и он тоже предпочел отклонить предложение.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Вайес.

– Честно говоря, довольно странно, – признался Ян.

Вайес перевел вопросительный взгляд на Дею. Она кивнула, соглашаясь с другом.

После того, как они прошли сквозь водяные ворота, у нее кружилась голова, а еще казалось, что она слышит свое сердце и чувствует, как кровь бежит по венам и ощущения эти с каждой минутой все нарастали и нарастали. Девушка была уверена, еще чуть-чуть и она ощутит, как дышит и работает каждая клеточка ее организма.

– Послушайте, – неуверенно начал Ян, – я совершенно искренне заявляю, что мы не представляем никакой угрозы, не желаем вам зла и не знаем, как попали сюда. Это произошло случайно.

– Я верю вам, молодой человек, верю, не сомневайтесь, – вкрадчиво говорил Вайес, пронзая Яна своими острыми глазами. – Но дело, видите ли, в том, что случайно к нам никто не попадает, – хозяин кабинета сделал многозначительную паузу. – Ну, что ж, постараемся выяснить, что или кто заставил вас оказаться здесь...

Вайес говорил еще что-то, но Дея его уже не слышала. Голоса долетали, будто из подземелья, перед глазами вдруг все поплыло, а тело охватил такой жар, что ей казалось, будто она горит изнутри. Наконец и ноги подвели ее, предательски подогнувшись и последнее, что она видела – стремительно приближающийся мокрый ковер, но встречи с ним ее сознание уже не выдержало.

* * *

Вайес зашел в небольшую мрачную комнату, напоминающую монашескую келью; голые каменные стены, маленькое зашторенное окно и низкая кровать, на которой под белой влажной простыней лежала Дея. Ее тонкое и некогда гибкое, словно молодая березка тело было неподвижно. Лишь крупные бусины пота поблескивали на бледном лице, свидетельствуя о том, что она еще жива.

– Как часто ты смачиваешь простыни? – спросил Вайес лекаря.

– Каждые полчаса, – ответил тот.

– Она сгорает, – прошептал посетитель, склоняясь над неподвижным телом девушки.

– Вы должны отнести ее к стене.

– Ты знаешь, что я не могу. Она сама должна ступить на ту сторону, иначе туман растворит ее, – Вайес прошелся по келье, заглянул в окно, бросил еще один долгий взгляд в сторону больной. – Подними ее на ноги, хоть ненадолго и я отведу ее туда, пока она не сожгла себя.

– Это очень опасно, Господин, вы ведь знаете, как она может отреагировать на вмешательство.

Вайес задумчиво мерил комнату шагами.

– У тебя есть предположения на счет того кто она?

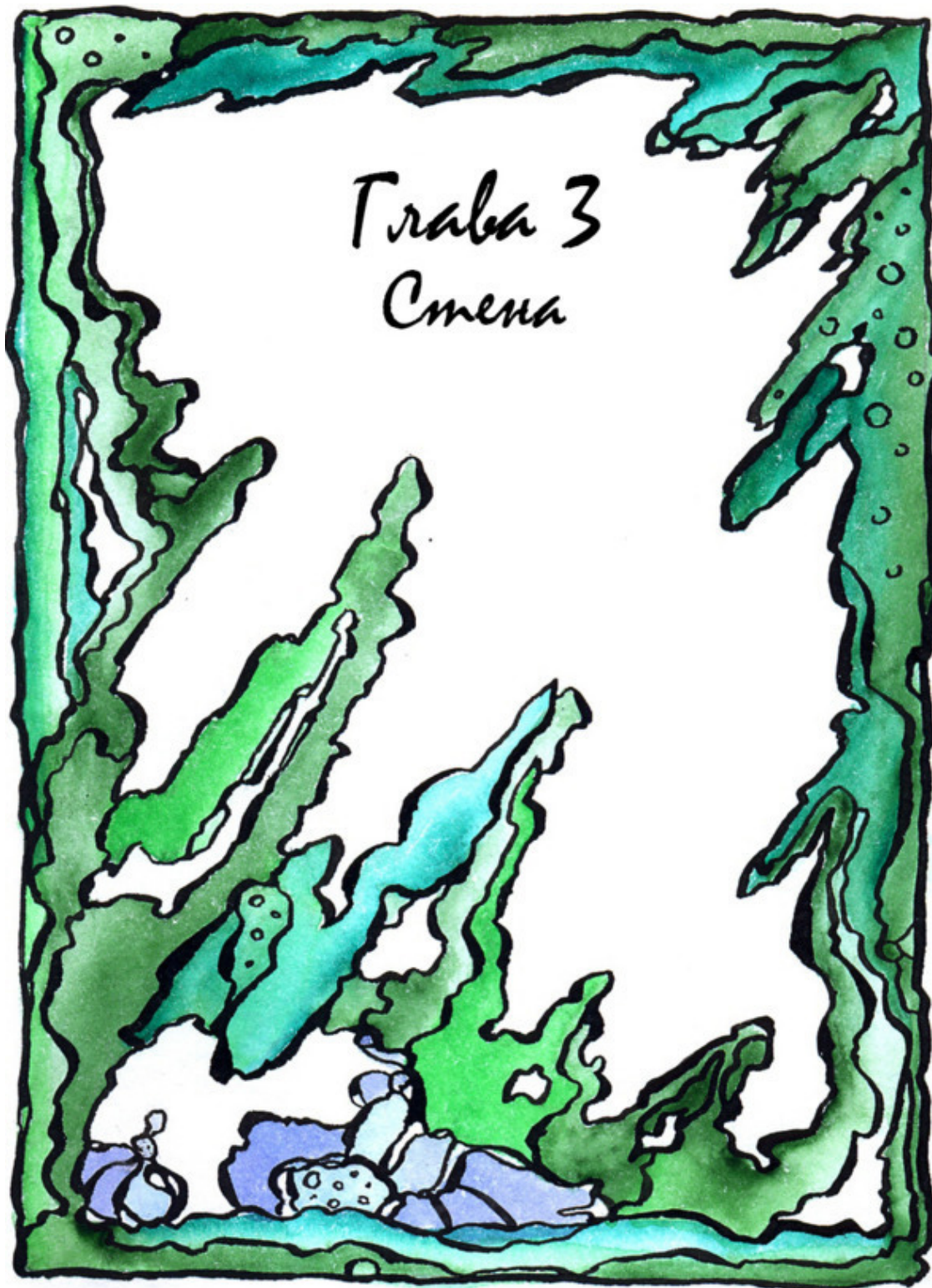
– Вы и сами не хуже меня знаете, только очень сильная сущность раскрывается с таким трудом. Но какова она, мы узнаем позже, если жар ее не убьет.

– Видимо, девочка слишком сильно боится.

– Это всегда пугает, вспомните себя, Господин.

– Да, да, ты прав. Неважно, кем она придет в наш мир, но я прошу тебя, не дай ей умереть. Не сейчас.

Вайес удалился, оставив сгорающую Дею с лекарем, который вот уже три дня и три ночи почти не отходил от нее.

Стена

Дея пришла в себя на шестой день пребывания в замке. Первое, что она увидела, открыв глаза – фигуру в белом, сидящую напротив своей постели. Уже знакомые темные глаза изучающе смотрели на нее.

– Я гляжу, вам стало немного лучше, – улыбаясь, поинтересовался писититель.

– Да, по крайней мере я в сознании, – настороженно ответила Дея.

– Вот и славно, – выдохнул Вайес и протянул ей сверток. – Пожалуйста оденьтесь, нам с вами нужно кое-куда прогуляться.

Не дав Деи никаких разъяснений, но встал и направился к выходу.

– Я буду ждать в холле, – проговорил он, открывая дверь.

– Постойте! Что с моим другом? Где он? – остановила его Дея,

– С ним все в порядке, – ответил Вайес, разворачиваясь в дверях, – он присоединится к нам после прогулки.

– Подождите, какой еще прогулки? – вопросы в голове у Деи толпились, наткываясь один на другой и образуя ужасную путаницу. – Кто вы такой? И что я делаю в этой комнате? – выпалила она первые попавшиеся.

Вайес подошел к Деи, изо всех сил пытающейся сохранять холоднокровие и взял ее трясущиеся руки в свои.

– Вы, должно быть, ужасно напуганы и это абсолютно естественно, – начал он успокаивать ее своим гипнотическим голосом. – Но сейчас я попрошу вас об очень и очень многом – я попрошу вас довериться мне.

– Почему я должна доверять незнакомому человеку?

– Может быть потому, что я спас вам жизнь? – ответили ей вопросом на вопрос.

– Откуда мне это знать?

– Послушайте, ведь вы должны понимать, что если бы я захотел причинить вам вред, то не приставил бы к вам своего лучшего лекаря и не беседовал бы сейчас с вами, а просто кинул в темницу до разбирательства.

– Какого еще разбирательства?

– Вы, наверное, запомнили, что проникли в Багорт незаконно?

– Никуда мы не проникали! Мы были в музее, а потом что-то произошло и нас выкинуло в этот дурацкий лес.

Вайес устало смотрел на Дею сверху вниз и ей отчего-то стало неловко.

– Послушайте, у вас нет другого выбора, вы должны поверить в то, что я не желаю вам зла. Я знаю, что вы понятия не имеете, где находитесь, что впервые слышите о Багорте и отчаянно надеетесь, что вы все еще спите и скоро проснетесь, а рядом с вами окажется ваш друг, но у нас очень мало времени и я ничего не могу вам объяснить сейчас. Я просто хочу спасти вашу жизнь, а для этого вы должны мне довериться и сделать то, о чем я вас попрошу.

– А я хочу видеть Яна. Я не могу поверить вам, что с ним все в порядке, потому что если бы это было правдой, он сейчас находился бы рядом со мной.

– Ян действительно все время рвется к вам, но Горий – мой лекарь считает, что ему необходимо больше свежего воздуха и заставляет проводить много времени в саду, а к вам пускает ненадолго. Но все же пускает, прошу заметить.

– Я хочу видеть друга, – упрямо повторила Дея, решившая, во что бы то ни стало стоять на своем.

– Хорошо, – сдался Вайес, – я покажу вам Яна. Но вы должны пообещать мне, что смягчитесь и позволите помочь справиться с агонией, которая сжигает вас.

Жар, ломивший Деи кости и впрямь был невыносим. К тому же в голове гудело, а сердце билось из последних сил, с трудом перегоняя, казалось, загустевшую кровь.

– С Яном происходит нечто подобное? Он в опасности?

Девушка испугалась за друга. Ее насторожило, что их держат врозь, что Яну не сообщили о том, что она пришла в себя. Ведь если бы сообщили, он немедленно явился бы за ней.

– О нет! – заверил ее Вайес, – он прекрасно справился. А вот вам угрожает опасность.

– А Ян знает об этом?

– Да, моя дорогая, – Вайес посмотрел на Дею в упор, глаза его были печальны.

– Почему же он не здесь? – недоумевала она. – Ведь он всегда был рядом, когда мне была необходима защита.

– Боюсь, он не в силах защитить вас от себя самой, и никто не в силах, поэтому мы должны поспешить. Я отведу вас в одно место и, возможно, там вы получите ответы на некоторые вопросы.

– Сначала я должна увидеть Яна! – напомнила Дея.

– Это не составит труда, – Вайес загадочно улыбнулся и подошел к окну, одергивая плотные шторы. – Он почти всегда сидит здесь и ждет, что вы очнетесь.

С замиранием сердца Дея подошла к окну и заглянула в него. Ее Ян – крепкий, румяный богатырь, с копной непослушных, соломенных волос, сидел прямо на траве с открытой книгой, лежавшей у него на коленях. Одет он был, правда, как-то странно – в свободную домотканую тунику с кушаком и легкие штаны, заправленные в полусапожки.

Дея уже хотела окрикнуть друга, но Вайес предостерег ее, торопливо опустив руку ей на плечо.

– Он сидит здесь целыми днями. Я предложил ему брать книги из библиотеки, это немного скрашивает его ожидание. Без вас он чувствует себя потерянным и одиноким, но именно ради него я и попрошу вас, увидеться с ним позже – после нашей прогулки. Я обещаю больше никогда не закрывать двери между вами, если вы сейчас же отправитесь со мной в одно очень таинственное, но уверяю вас интересное место.

Дея устало прислонилась к стене, потом еще раз взглянула на друга. На заложника Ян не походил. Ведь не станет же человек, которого держат в заточении, упиваться чтением, решила она. А раз Яна не лишили свободы, значит и ей, вероятно, нечего бояться.

Похоже, что у нее действительно не было выбора. Она должна была довериться Вайесу и попытаться получить хоть какие-то разъяснения в том месте, куда он собирается ее отвести.

В конце концов, если бы ей здесь действительно хотели причинить какой-то вред, разве стал бы этот человек в чем-то ее убеждать? Нет, он бы получил свое силой, ведь это она на его территории, а не наоборот.

Дея посмотрела в невыносимо печальные глаза Вайеса и коротко кивнула в знак согласия.

– Вы смелая девушка, Дея, ваш друг не зря гордится вами, – он указал на сверток, лежащий на кровати. – Загляните в него, негоже разгуливать по замку в ночной рубахе, – сказал он, едва заметно улыбаясь и закрывая за собой дверь.

Развернув бумажный пакет, Дея обнаружила в нем платье. Тонкая и необыкновенно легкая ткань цвета водной пыли, образовывала удивительно мягкие драпировки, похожие на морские волны. Рукава, лиф и подол были расшиты белыми бусинами жемчуга, мерцающего на свету. Это был настоящий наряд благородной девушки, столь великолепный, что Дея боялась даже прикоснуться к нему. Но такой щедрый дар скорее озадачил её, нежели порадовал.

Поискав на платье молнию, и обнаружив только ряд крохотных пуговок на лифе, Дея вздохнула, но в наряд все же облачилась. Подошла к дверям и, помешкав мгновение, вышла наружу.

Все помещения замка Мрамгор поражали своей фундаментальностью, но коридор, в котором Дея оказалась, как только покинула свое пристанище, отличался особенной вели-

чественностью. Грубая каменная кладка стен, украшенных прямоугольными полуколоннами по одной стороне, сочеталась с невероятной игрой света, сочившегося сквозь огромные витражные окна на противоположной стороне. Венчалось все это великолепие сводчатым потолком и массивными люстрами.

Коридор оказался столь длинным, что окончание его тонуло во мраке. Была ли это очередная волшебная уловка, Дея не знала, да и не больно-то задумывалась над этим, потому как всем ее вниманием завладели оконные витражи. Их сюжеты оказались столь разнообразными и захватывающими, что она даже позабыла, что ее ждут. Одни изображали торжества, другие сражения и даже казни. Были и совсем непонятные, повествующие не то о победе героя над чудовищем, не то о его поражении. И так по всему коридору сцены пиршеств, танцев и беспечного веселья сменялись изображениями узников, заточенных в подземельях, невиданных чудовищ, похищающих прекрасных дев и венценосных героев.

– Я вижу, вас заинтересовали витражи? – всплыл из пустоты мягкий голос.

Вздвигнув, Дея резко обернулась. Вайес стоял рядом, держа в руках пару шелковых туфель.

– Я как-то не подумал об обуви. Хорошо, что ваш лекарь более предусмотрителен.

И Вайес на удивление бойко для своих лет наклонился и обул босоногую Дею.

– Это Свегор. В достопамятные времена, когда мы сражались с Лонгвином, этот воин переломил исход поледеней битвы, – повествовал Вайес, указывая на изображение богатыря в сияющем шлеме. – О его ратном подвиге некогда слагались легенды, но сейчас они забыты. К сожалению, сам Свигор недолго наслаждался победой, спустя год он умер страшной и смертной.

– Его что убили?

– Скорее всего.

– Завистники?

– Нет, некая страшная сила, с которой простым смертным лучше не связываться, – зловеще прошептал Вайес, и у Деи по спине пробежали мушки.

– Боюсь, когда-нибудь в этом коридоре может появиться еще один печальный сюжет, связанный с этой силой.

– Все эти картины отображают вашу историю, – сообразила Дея.

– Да, моя дорогая, и что-то подсказывает мне, что ваша история тоже может здесь отразиться.

Дею насторожило такое предположение, ведь сюжет мог быть не самым лицеприятным.

– А ваша история здесь есть? – поинтересовалась она.

– Ближе к концу коридора запечатлен один суд, участие в котором... – проговорил Вайес так, будто каждое слово весило тонну. – Но мы задержались, – перебил он самого себя, – а между тем нас ждет солнце и свежий воздух, а в конце прогулки Ян.

Они двинулись к концу коридора, он уже не казался Деи таким темным. Проходя по залам и маленьким проходным помещениям, по галереям и винтовым лестницам, девушка поразила оживленности замка. Повсюду сновали его обитатели, кто с корзинами и котомками, кто с кипой пергаментов, кто со склянками и другими непонятными принадлежностями. И каждый встреченный ими человек, благоговейно склонял голову, приветствуя Вайеса.

Дея жадно впитывала в себя все образы, которыми было богато внутреннее убранство замка. Шпалеры и мозаичные полы, сводчатые потолки и искусная резьба по камню, массивные кованые люстры, вместо свечей в них мерцали кристаллы, рассеивая таинственное красноватое сияние. Внутри замок был столь же великолепен, как и снаружи. Древние мастера выполнили все со вкусом и чувством меры. Но экскурсии все же пришел конец, Вайес вывел Дею из замка через парадные двери.

Очутившись на площадке, где располагались статуи двенадцати воинов, ее взору открылся головокружительный вид на сад.

– Это парадный вход, так ведь? – поинтересовалась она.

– Совершенно верно, – ответил Вайес.

– Но я видела эту часть сада, хоть и издали, когда оказалась здесь впервые. Как я могла не заметить его? – поражалась Дея.

– Люди многого не замечают, моя дорогая, а очевидного чаще всего, – добродушно улыбаясь, отвечал Вайес.

Дея отметила, что сад по крайней мере ничуть не изменился за время ее болезни. Но на этот раз он, как и замок, был полон его обитателями. Тут трудились садовники, ухаживающие за цветами, и сборщики урожая, бережно обрывающие с деревьев плоды. И все казалось вполне обычным, кроме одного: листья деревьев и плоды на них слегка раскачивались, но ни малейшего ветерка Дея не уловила, как ни старалась.

Когда она проходила мимо одного из сборщиков урожая, он обернулся и получил хороший шлепок веткой по затылку. Корзина из его рук выпала, и уже собранные плоды покатались в разные стороны. И пока несчастный пытался их поймать, Дея казалось, что она теряет рассудок: сливы не просто стремительно укатывались от сборщика – они издавали чуть заметный звук, словно посмеивались над недотёпой. Их явно забавляла эта игра.

– Они, что живые?! – воскликнула девушка.

– Конечно! – возмутился сборщик, – Где ты видела мертвые деревья, приносящие плоды?

– Простите, – смущаясь, оправдывалась Дея, понимая, что сказала глупость, – я ужасно невежественна, – что-то в глубине души подсказало ей, что такое поведение плодов совершенно естественно.

– Сливы – самые озорные из всех фруктов, – улыбаясь, пояснил ей Вайес, – стоит зазеваться и они тут же что-нибудь учинят.

Дея показалось, будто бы Вайеса развеселил этот инцидент, но улыбку тут же сменило его обычное выражение сосредоточенного внимания.

Великолепный замок, люди в старомодных, диковинных одеждах, оживающие плоды и невероятные существа, весь этот сказочный антураж восхищал Дею, но ей не давала покоя мысль, что это все иллюзия, что в действительности этот мир мало чем отличается от ее собственного. Не так уж он и безобиден, а может даже стать, что и опасен. Этакая сказка для подросших романтиков, сказка, таящая в себе секретов больше чем питерская судейская палата.

Они уже подходили к воротам, чтобы покинуть пределы сада, как Дею неожиданно поразило еще одно обстоятельство.

– Знаете, Вайес, у меня дома люди часто, говоря на одном и том же языке, не понимают друг друга, – задумчиво начала она. – Когда мы с Яном попали к вам, первый, кого мы встретили, был граничный Страж. Его речь совсем не показалась нам понятной. А вот ваш Страж понимал нас. Он сказал, что язык у нас сложный, но он его как-то понял, – Дея остановилась и пристально посмотрела на Вайеса. – И вы понимаете и они, – девушка указала рукой на уставившихся на нее сборщиков.

Вайес снова растянул губы в мягкой улыбке.

– Вы, верно, думаете, что в Багорте все говорят на вашем языке, но это не так. Здесь все говорят на языке Багорта и неважно, родились ли они здесь или прибыли из других Земель. Каждое место, в которое вы попадаете, диктует свои законы и рано или поздно вы начинаете говорить на его языке. Разве у вас дома было не так?

– Пожалуй, что так, – согласилась Дея, – но как же Страж? – не унималась она – ведь он говорил на нашем языке.

– Граничные Стражи – совсем другое дело, – пояснял Вайес, – они ведь охраняют границу и должны распознавать, откуда приходит угроза. Можешь считать это их даром.

– Если кому-то был дан такой дар, – размышляла девушка, – значит наше с Яном проникновение за ваши границы не первое. В Багорте есть такие как мы – случайно попавшие из других мест?

– Случайно никто ниоткуда не пропадает и нигде не появляется. Но вы правы, не все обитатели Багорта родились здесь. Некоторые попали сюда, как вы выражаетесь, из других мест.

Всецело поглощенная разговором и недобрыми предчувствиями, Дея не заметила, как они обогнули замок, пройдя вдоль ограды. Обернувшись, она увидела его уже на порядочном расстоянии, а Вайес тем временем подводил ее к стене, полностью поросшей мхом и не имевшей ни начала, ни конца.

– Не пугайтесь, Дея, это место особенное, оно поможет вам обрести себя.

– А нет ли другого способа? – спросила девушка, морщась. – Ну, допустим, лекции, семинары, гипноз, в конце концов!

– Нет ни другого способа, ни времени. Вы должны пройти на ту сторону и вернуться не позднее, чем сядет солнце.

– А, что на той стороне?

– Там будете вы и только вы. И все окружение будет лишь вашим отражением.

Дея понимала, что если уж решила довериться Вайесу, то должна идти до конца, но здравый смысл говорил ей, что совать нос и другие конечности в неизвестные ей места чрезвычайно глупо. Правда, то же здравый смысл напомнил ей, что она уже находится в поистине странном месте, где время, казалось, застыло веке в тринадцатом, а святая инквизиция вот-вот схватит и поволочет ее на костер за то, что она вероломно проникла в их тесный мирок. Хотя святой инквизиции, возможно, здесь и нет, если учесть, что их озорные фрукты кусаются, водопады льют прямо с небес, а неделю назад их с Яном вообще чуть не до смерти напугали какие-то призраки с иссохшими ручищами.

– Не стоит пугаться, Дея, – старался подбодрить ее Вайес. – Вы просто открываете для себя новые грани мира, а он, в свою очередь, открывает новые грани вас. Вы ведь уже ощущаете нечто необычное? То, что пытается проявиться, было в вас всегда. Здесь, в Багорте с пришельцами всегда так происходит. А это место лишь поможет вашей истинной сущности раскрыться. Смелее, я буду ждать вас здесь, а когда вернетесь, вопросов значительно поубавится.

Они приблизились к стене, и Вайес мягко подтолкнул Дею к некоему углублению в ней, а сам слегка отстранился. Девушка провела рукой по бархатистому мху, и он ожил. Стал расходиться от центра, образуя своеобразную арку. Она обернулась назад, и ей показалось, что всегда спокойное лицо Вайеса омрачила тревога.

«Интересно, – подумала Дея, – он за меня переживает или это странное место пугает его не меньше, чем меня?» Она заглянула в арку, там была абсолютная пустота, не было ни звуков, ни запахов, ни дуновения ветерка. Ничего.

– Куда же все-таки вы меня отправляете? Не станет ли это путешествие последним в моей жизни?

– Я отправляю вас в путешествие по вашему сознанию. Только прошу, вернитесь до заката, иначе вы заблудитесь в самой себе.

Дея заглянула в арку еще раз. Страх не отступил, но любопытство взяло верх. Она зажмурилась и сделала шаг вперед.

* * *

Солнечный диск неумолимо приближался к горизонту. Еще немного и небо начнет заливать огненной лавой, оно окрасится в пурпур, а затем все краски померкнут.

Вайес любил наблюдать за метаморфозами, происходящими с небом на закате. Подолгу стоял на смотровой площадке замка Мрамгор, впитывая в себя все краски, которые дарила

природа, упивался ими. Но не сегодня. Сегодня он страшился заката, просил солнце замедлить свой ход. Он простоял у стены, за которую ушла Дея, весь день. Ждал, боялся, надеялся.

Поднявшийся ветер принес голоса, разговаривали мужчины, один был чрезвычайно встревожен, другой раздражен.

– Зачем вы только отправили ее туда?!

– У нас не было выбора. Она себя убивала!

– Но в сознание же она пришла, значит, шла не поправку!

– Нет, мой юный друг, – Вайес развернулся навстречу приближавшимся голосам, которые, несомненно, принадлежали Яну и Горию, – наш многоуважаемый лекарь вернул ее в сознание с помощью снадобья, но его действие непродолжительно, если бы оно прошло до того, как я отправил ее за стену, она опять впала бы в небытие. И скорее всего, уже в последний раз.

– И как давно она там?

– С утра.

– Сколько еще она может там пробыть?

Вайес послал тяжелый и молящий взгляд в небо.

– Не больше двадцати минут, – ответил он и тяжело опустился на валун неподалеку от стены. – Если до заката солнца она не вернется, то останется там навсегда.

– Навсегда?! – взревел Ян. – Навсегда? И вы не дали мне повидаться с ней, зная, что она может не вернуться?!

– Она уже неделю не с тобой, так проще справиться с утратой, – проговорил Вайес мрачно. – Поверь мне, обрести друга на час и потерять вновь гораздо болезненней, – он хотел сказать еще что-то, но шорох, донесшийся от стены, прервал его.

Поднявшись, он настороженно замер в ожидании.

Шуршал мох – он расступался, вновь образуя арку. По мере того, как расходились плиты стены, взору замерших мужчин открывалась удивительная картина – медленно рассеивающийся сизый туман, прорезали косые лучи мягкого света, какой бывает ранним утром, после того, как всю ночь лил дождь. Этот свет падал на молодую весеннюю зелень, превращая росу на ней в сияющие звезды. Мох, тот самый мох, что покрывал стену, устилал за ней и землю, а из тумана, на этот мягкий, живой ковер ступила босая нога, затем показалась рука отодвигающая ветку и, наконец, лицо, обрамленное золотым свечением. Лицо, соперничающее с солнцем.

Свидетели этой картины, словно в статуи превратились: ни вдоха, ни малейшего колебания, три пары глаз пристально следили за происходящим в арке. Казалось, от напряжения, повисшего в воздухе, можно было зарядить телефон (если бы он здесь конечно был).

Вот, наконец, показалась тонкая, высокая фигура в длинном платье. Она сделала шаг, другой и, ступила за порог, на влажную траву по эту сторону от стены. Арка за ее спиной моментально сомкнулась, будто ее и вовсе не было.

Те же длинные янтарные волосы свивались крупными кольцами, то же тонкое, слегка удлиненное запястье и гибкие пальцы привычным, плавным движением поправили их. Изящество и удивительно не юная сдержанность были в Денином облике всегда, но сейчас Яна поразило, что свойственную ей игру в благородство сменило неподдельное величие. Она стояла босая, слегка растрепанная и все же было в Деи теперь нечто царственное и невозможно прекрасное, нечто такое, что выдавало в ней госпожу.

Это та перемена, которую Ян отметил сразу, как увидел ее по эту сторону стены. А еще взгляд, что-то с ним было не то. Из таких знакомых, слегка раскосых, подернутых зеленцой глаз на него брызнул нестерпимый свет чистого разума. А может, это было в ней всегда? Бесконечный, неиссякаемый поток. В ее глазах сейчас словно отражался сам космос во всей своей

беспредельности. Ян чувствовал, что еще мгновение и он затеряется песчинкой среди этого непреодолимого, необъяснимого, необыкновенного чего-то.

Это была уже не та девчонка, которая нуждалась в его постоянном присмотре и защите, она стала чем-то большим, большим, чем сам Ян. На секунду он испугался, испугался того, что все-таки потерял ее. Потерял ту Дею, к которой был так глубоко привязан. Тонкую, хрупкую, нежную. Утратил возможность быть ее защитником. А она тем временем просто стояла, держа свои шелковые туфельки в руке и, моча смотрела на них, и каждому казалось, что она смотрит именно на него.

Первым пришел в себя Вайес.

– Ей по-прежнему нужен защитник, мой друг, – шепнул он Яну, слегка коснувшись его плеча, – и теперь, я полагаю, еще больше чем прежде.

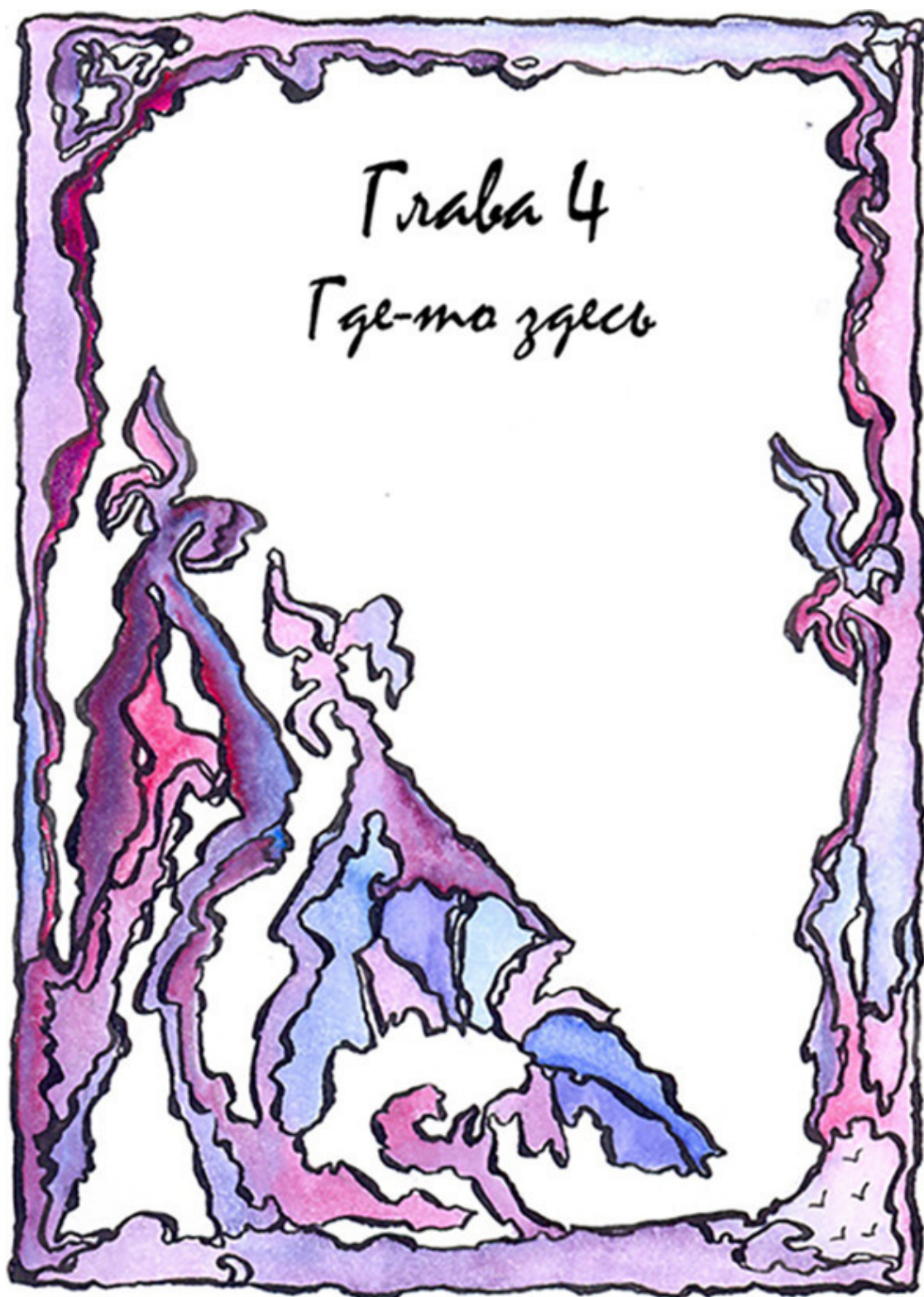
Оцепенение прошло и Ян, было, кинулся к подруге, чтобы обнять ее, как прежде, но что-то его остановило. Он стоял так близко, что чувствовал на себе тепло от ее дыхания, но не знал, что делать. Первый раз в жизни он не знал, имеет ли право прикоснуться к ней. Не мог поверить, что эти обновленные, звездоподобные глаза ее – Деины, что эта величественная особа – его подруга. И, несмотря на то, что в этом величии не было ни тени гордыни, надменности или тщеславия, оно пугало его.

– Ну, что вы застыли, мой друг? – подбодрил его Вайес, – это все еще она – ваша подруга детства. Дея, вы ведь узнаете своего преданного друга, не так ли? – обращался он уже к девушке.

Она улыбнулась, слегка опустив веки, будто говорила этим: «ну, конечно», взяла его руку и приложила к своей щеке, но лишь на секунду. Затем обулась и направилась в сторону замка, так и не проронив ни слова. Ян шел за ней и ему казалось, что она молчит от того, что боится расплескать тот свет, которым была теперь наполнена.

В замок все трое вошли через центральные ворота. И Дея направилась по уже знакомому маршруту, в свою маленькую каморку, в которой она провела последнюю неделю, но Вайес остановил ее.

– Ну, что вы, звезда моя, – обратился он к ней, как показалось Яну, с почтением, – для вас уже приготовлены отдельные комнаты. В палатах живут лишь больные.

Где-то здесь

Мерцающая звездная тропа в абсолютной пустоте, ни запахов, ни звуков, ни дуновения ветерка, она висла в этой пустоте и уходила в бесконечность. Прекрасная, манящая. Дея сделала несколько шагов вперед и оглянулась, звезды за ее спиной слабо вспыхивали и гасли. Страх не было, только легкость и желание идти вперед и она шла, двигаясь очень медленно. Мысли из ее головы постепенно улетучивались, наступала абсолютная безмятежность, а когда она была уже готова раствориться в этой пустоте, до ее слуха донесся тихий звук. То был шелест листьев. Нежные весенние листочки беспокоил легкий ветерок, принесший запах сосен. Уловив его, Дея вдруг очнулась, осознав, что уже давно идет с закрытыми глазами. Открыв их, она увидела озеро. Подход к воде густо зарос камышом, над которым кружили ярко бирюзовые стрекозы. Ее охватило странное чувство, будто ее окружает что-то очень родное в этом незнакомом месте. Оно было совершенно новым, Дея точно знала, что раньше не бывала здесь, однако бирюзовые стрекозы и песчаный пологий берег казались приветом из давно позабытого прошлого.

Девушка подошла к воде, но в подвижном зеленоватом отражении увидела не себя, а малютку с взъерошенным рыжим чубчиком. Ее так потрясло увиденное, что она отпрянула, налетев на что-то твердое и шершавое. Обернувшись, Дея заметила, наконец, огромную сосну – символ самых теплых детских воспоминаний.

Если все прочее могло быть похожим на виденное ею ранее, то такая сосна в целом мире была одна. Растущая на осыпающемся покатом берегу где ветра бывали столь лютыми, что оголили со временем ее корни, она стелила свои ветви, изгибающиеся самым причудливым образом близко к земле, будто боялась упасть. То было самое необыкновенное в мире дерево – ее дерево и оно оказалась здесь, на этом умиротворенном берегу, слепленном из детских воспоминаний.

Дея погладила его кору, прислушалась к легкому плеску воды и озорному стрекоту насекомых, затем устроилась поудобней у могучего ствола и закрыла глаза. Сколько она так просидела, она не помнила, очнулась от грез лишь тогда, когда солнце уже клонилось к горизонту.

«Я отправляю вас в путешествие по вашему сознанию. Только прошу, вернитесь до заката, иначе вы заблудитесь в самой себе», – воскресли в ее памяти последние слова Вайеса и она проснулась.

Первое, что она увидела после пробуждения, это умиленного Яна. Он сидел в легком плетеном кресле напротив ее кровати, смотрел на нее и улыбался.

– Ты долго не просыпалась, я постучал, ты не ответила и я зашел. Дверь открыта была.

Дея лежала на большой кровати, кутаясь в воздушное одеяло. Балконная дверь была открыта и ветер надувал легкие шторы, словно паруса, а высокое полуденное солнце играло с ее волосами, превращая их в струящиеся золотые ручейки.

– Просыпайся уже, я принесу тебе завтрак, – говорил Ян, вставая с кресла.

Когда он вышел из комнаты, Дея села в кровати, свесив тонкие ножки, посидела так некоторое время, улыбаясь своим мыслям, а затем встала и неторопливо направилась в туалетную комнату, завязывая по дороге волосы в тугой узел.

Комнаты, которые ей отвели были чудесны по своей простоте и удобству и располагались в небольшой цилиндрической башне, практически под самой ее крышей. В одной из них стоял уютный диван и небольшой низкий столик, а еще был настоящий камин с чугунной дровницей. Окно в ней правда было всего одно, но зато из него виднелся сад. Второй комнатой была спальня, просторная и светлая, с огромным овальным зеркалом в чугунной раме, мягкой кроватью и маленьким столиком подле нее, а еще балкончиком, откуда Ян и принес плетеное кресло. Предусматривалась здесь и туалетная комната, с вместительной ванной и камен-

ной чашей для умывания, над которой было мудреное устройство, медленно наклоняющее латунный кувшинчик с водой. А еще Дею поразило количество полочек с разнообразными баночками, пузырьками и флакончиками, были даже кисти (видимо для наведения макияжа), но юную красавицу они не заинтересовали.

Умывшись и переодевшись в свое единственное платье, Дея вышла в каминную, где ее уже ждал Ян и завтрак на маленьком столике.

– Обычно все едят в трапезных, их в замке несколько. Но я подумал, что сегодня ты захочешь позавтракать у себя.

– Ты всегда знаешь наперед, чего я захочу, – ответила Дея, отламывая кусок белого хлеба и макая его в мед.

– Ты во сне так мило улыбалась, что такого чудесного тебе приснилось?

– Мне снилось то место за стеной. То самое, где я провела вчерашний день.

– И что это за место такое загадочное, про которое даже Вайес не смог мне ничего внятного рассказать?

– Мое сердце.

Ян озадаченно посмотрел на Дею, а она, прикрыв глаза и, опрокинувшись на спинку дивана, блаженно улыбнулась, предаваясь воспоминаниям о минувшем дне.

В дверь негромко постучали.

– Войдите – отозвалась Дея.

На пороге появился белокурый мальчуган с очаровательными кудряшками. Сообщил, что Вайес ожидает их у себя чрез час и, не дождавшись ответа, выскользнул обратно в коридор.

– Интересно, он вернется, чтобы проводить нас? – размышляла Дея.

– Это ни к чему, – ответил ей Ян, – я знаю дорогу.

Она вопросительно посмотрела на друга.

– Да ты, я так понимаю, уже освоился тут?!

– Ты знаешь, Дея, а мне здесь даже нравится? – буркнул парень извиняющимся тоном.

– Еще бы знать, где это «здесь».

– Пока ты болела, я читал историю Багорта.

– И что же, всю прочитал?

– Нет, их история столь же необъятна, сколь интересна. К тому же я пока еще слишком медленно читаю. Но не в этом суть. Я вообще не уверен, что мы в 21 веке, зато точно знаю, что не на Земле.

– А где же мы тогда? – недоверчиво поинтересовалась Дея, решив, что друг потешается над ней.

Но Ян был абсолютно серьезен, он выудил из кармана мятый кусок пергамента.

– Я тут кое-что выписал, – смущаясь, заговорил он, разворачивая листок. – Это, как бы сказали у нас на Земле, гипотеза одного из местных ученых, еще довольно молодого, но, говорят очень талантливого.

Он пошуршал пергаментом и принялся зачитывать: «Мы обитаем в трехчастном мире, который движется по незримому пути, где существуют миры с возрастающим числом измерений. Вне пути преобладает мрак. В нем, как и в нашем измерении, есть своя иерархия. Там прибывают самые грубые сущности. Именно оттуда и проникают к нам бесы, когда мы нарушаем законы вселенной.

Все миры существуют в постоянной взаимосвязи, проникая друг в друга. Причиной перехода из одного мира в другой может стать изменение силовых вихрей, а также территориально-временных взаимосвязей.

Пространства, разделяющие миры, похожи на тоннели, по ним можно осуществлять перемещения. Но, проникая в чужую реальность, все подчиняется ее законам...»

– Стой, стой, стой, – прервала захваченного чтением Яна Дея, – а можно как-нибудь попроще? Сам-то понимаешь, что переписал?

– Если честно, не очень, – сконфузился Ян. – Но так занятно написано! Говорят, этот их молодой ученый из Ведов и местные его не особо жалуют. Здешние традиционалисты плохо принимают новые течения, а его теория весьма смелая даже для Багорта. Но я почему этот текст выписал-то! А потому, что здесь вот про то, как из одного мира в другой можно попасть, – и он стал тыкать пальцем в последний абзац. – Видишь?

Дея уставилась в листок, но, не разобрав и половины, глубоко вздохнула.

– Ладно, просто скажи, где конкретно находимся мы.

– Ну-у-у, – протянул Ян, копошась в затылке, – постараюсь. Мы находимся на Хоре – это планета с четырьмя континентами: Багортом, Серваргом, Ихором и Лонгвином, – начал излагать Ян лекционным манером. – Мы – в Багорте, в нем пять крупных городов. Мрамгор – столица и располагается она в самом сердце Багорта. Этот город стоит на огромном мраморном пласту, что под горой, в которой и высечен сам замок. Вайес является Верховным Хранителем Мрамгора уже более двадцати лет, он вроде губернатора нашего. Но самое интересное даже не это, а то, что они о Земле не знают ровным счетом ничего. Хотя Хора является чуть ли не зеркальным ее отражением, с той только разницей, что тектонические плиты здесь разместились иначе. Я рассматривал карту их звездного неба, и она мало отличается от нашей. Ну, названия скоплений Плеяд у них другие, они их Стожарами называют. По Млечному пути (в их интерпретации Дорогое духов) багортцы определяют стороны света, он каждый месяц восходит в новом положении, и те, кто знает эти его особенности, могут ориентироваться в пространстве без компаса. Представляешь?

Деи показалось, что в ее голову тычут иголками, пытаясь утрамбовать, какие-то совершенно невозможные вещи.

– Ты хочешь сказать, что мы в каком-то другом измерении что ли?

– В другом измерении или в другом мире не столь важно, как ты это назовешь, важно лишь то, что мы не там, где привыкли быть.

– И Вайес не знает, как вернуть нас обратно?

– Представь себя на месте питерского губернатора. Попадают к нему два таких неопознанных придурка в странных одеждах и говорящих на непонятном языке. А потом еще и заявляют, что, мол, они из некоего Багорта прибили, знать о Земле ничего не знают, но страсть как хотят домой.

– Ну, их, допустим, не к губернатору бы отправили, а напрямик в дурку.

– То-то и оно! Скажи спасибо, что здесь всем Верховный Хранитель заведует, а то отправили бы нас в местную кунсткамеру.

– То есть, ты хочешь сказать, что за неделю вы ни на йоту не продвинулись в осознании того, что нам теперь в этой ситуации делать?

– А, что тут можно делать, кроме как приспособливаться?

– Что? – только и нашла, что сказать, шокированная таким поворотом событий Дея.

– Ну, посуди сама, – начал убеждать подругу Ян, – кем мы были на Земле? Подростками из интерната. Ни родственников, ни друзей, ни денег. Ты вон на музей даже наскрести не могла. Там нас все чурались.

– А здесь боятся.

– Они не нас боятся, а того, что не могут понять, как двое подростков прошли сквозь их защиты. Но ведь это не мы организовали взлом их секретных преград, поэтому когда все выяснится, на нас перестанут косо смотреть и мы сможем найти здесь занятие по душе.

– Ян, мы семнадцать лет, ты, кстати, уже почти девятнадцать, учились жить в том мире. А теперь ты хочешь остаться здесь, потому что Мрамгор чем-то напомнил тебе сказочный изумрудный город. Дружочек, чудес не бывает и мы сейчас не в сказке.

– А где же, по-твоему?

– В каком-то бреде, если честно, – устало проговорила Дея.

– Я вряд ли смогу тебе это объяснить, но там я чувствовал себя чужим, а здесь нет.

– Это потому, что Вайес – очень хороший дипломат и умеет запудривать мозги!

– Но тебе ведь стало лучше после того, как он отвел тебя к стене, – не унимался Ян. – И он действительно спас тебе жизнь. Приставил этого своего Гория, каждый день справлялся о твоём здоровье. Дея, у тебя был такой чудовищный жар, что я, если честно, вообще удивляюсь, как ты выкарабкалась.

– Тебе не кажется странным, что нами лично занимается такое высокопоставленное лицо?

– Ну, – задумчиво протянул Ян, подыскивая ответ, – он мудрый правитель и знает, что все непонятное и возможно угрожающее лучше держать поближе к себе. А может, он просто благородный человек?

– Не знаю, Ян, иногда мне кажется, что тебе не девятнадцатый год, а девятый.

– К чему ты клонишь?

– Ты ведь должен понимать, что несмотря на все сказочные декорации и волшебную мишуру этот мир так же, как и наш населяют люди. А это значит, что, по сути, Багорт не многим будет отличаться от твоего прежнего дома. Где ты видел губернатора, нянчащегося с попаданцами?

– Что ж, поживем, увидим. У нас все равно выбора пока нет, самостоятельно-то мы домой не можем вернуться.

– Ладно, пойдем что ли, негоже опаздывать на аудиенцию к столь высокопоставленной персоне.

Вайес ждал их в кабинете, там же был и лекарь, видимо, исполнявший по совместительству еще и обязанности советчика.

Первое, что не без удовольствия отметила Дея это то, что кабинет Вайеса на сей раз казался вполне обычным. То есть стены и предметы, находящиеся в их пределах, больше не уменьшались и не увеличивались, а вели себя как подобает вполне обычным, неодушевленным вещам.

– Присаживайтесь, мои дорогие, – предложил Вайес, – надеюсь, вы хорошо спали, звезда моя? Комнаты пришлись вам по душе? – обратился он к Деи.

– Благодарю, я спала превосходно и комнатами очень довольна, – отозвалась девушка. – Но, я полагаю, вы позвали нас не за тем, чтобы узнать, как я устроилась.

– Вы правы, – улыбаясь ответил Вайес, – вы обжились, воссоединились с другом и вашему здоровью больше ничто не угрожает, поэтому мы, наконец, можем продолжить тот разговор, который в прошлый раз прервал ваш обморок.

Дея поежилась, вспоминая все злоключения того дня. Он определенно не входил в список лучших в ее жизни, и все же она понимала, что это был особенный день – день, изменивший ее судьбу. В какую сторону, большой вопрос, но изменения эти были кардинальными.

– Я не буду ходить вокруг да около, – начал Вайес, – нас обеспокоило ваше появление.

Дея подняла брови и посмотрела на главу Мрамгора в упор. Но в разговор уже вступил лекарь.

– Два человека попадают в Багорт, пройдя все защиты и преграды, утверждая при этом, что не имеют ни малейшего представления, как им это удалось. К тому же проявляют незаурядные таланты в долине Ведов. Таких совпадений не бывает, – проговорил лекарь, глядя на Дею. – Меня очень озадачил тот факт, что тени, населяющие кольцо Ведов, не тронули вас. Они все равно, что цепные псы, готовые высосать жизнь из любого, кто попадет в их лапы, кроме самих Ведов, конечно.

– Дея, вы спугнули теней, разомкнули скалистое кольцо и прошли сквозь него к границам Мрамгора, – подхватил Вайес. – Я не спрашиваю вас, как вы его открыли и тем более, как вы туда попали, потому что, мне думается, вы действительно этого не знаете.

– Чего же вы тогда хотите знать?

– Меня интересует, не приключалось ли с вами чего-нибудь необыкновенного незадолго до того, как вы попали к нам? Любая мелочь кажущаяся вам незначительной, может привести нас к пониманию происходящего.

– А разве Ян вам ничего не рассказал?

– Конечно, рассказал, но мы хотели бы послушать теперь эту историю из ваших уст, – настаивал Вайес. – Понимаете, события одни и те же, а детали люди замечают разные.

– Вы правы, – неожиданно согласилась Дея. – Ян, наверное, вам уже рассказал, что билеты в этот злосчастный музей мне презентовал чудаковатый иностранец. Я не придавала тогда особого значения его внешнему виду, но...

– Опишите же его.

– Языка, на котором он говорил, я не распознала и списала это на свое невежество, хотя сейчас думаю, что он не подпадает ни под одну языковую группу, существующую на Земле. Одет тот мужчина был так, будто играл роль в бульварном романе и сбежал прямо с театральной сцены, к тому же забыл обуться. У нас, знаете ли, не принято в общественных местах босиком разгуливать, – пояснила она. – В общем, всучил он мне два мятенких билетика и тут же скрылся. Ну, я радостная, что в музей схожу, про этого чудака тут же и забыла. Представьте мое удивление, когда я встречаю его в этом же музее. Обуться он, кстати, так и не удосужился. И знаете, он как-то нехорошо на Яна смотрел.

– Да? – удивился Ян. – А я его и не заметил.

– Ты в тот момент Айвазовского пытался загипнотизировать, помнишь, я увела тебя на второй этаж?

Повисла пауза. Все переглядывались, никто не решался заговорить первым.

– Скажите, а я правильно понял из рассказа Яна, что лаз в скале появился, когда вы ощупывали ее руками? – неожиданно спросил у Деи лекарь.

– Да, если память меня не подводит, так и было.

– Господин, когда ее привели все ладони... – шептал лекарь Вайесу.

– Да, да я тоже об этом думал, – так же шепотом отозвался тот. – Ясно одно, мои друзья, – сказал хозяин кабинета уже в полный голос, – кому-то очень понадобилось, чтобы вы оказались в Багорте, и этот кто-то приложил немало усилий, чтобы перемещение произошло. Поэтому, пока мы не выясним кому, а главное – зачем это нужно, я вынужден оставить вас в Мрамгоре под моей охраной. А чтобы вы не чувствовали себя в заточении, можете посещать библиотеку и увеселительные комнаты, сад так же в полном вашем распоряжении. Но я настоятельно прошу не покидать его пределов.

– Неужели нет способа вернуть нас домой? – с угасающей надеждой спросила Дея.

– Дорогая моя, мы не понимаем, как вы к нам попали, а даже если и пойдем, не в моих силах вернуть вас обратно.

– Но ведь вы здесь самый главный! – удивленно начала Дея. – Разве не вы олицетворяете в Мрамгоре власть?

– Самый главный и самый могущественный – не всегда одно и то же. Да, я – Верховный Хранитель и призван следить за порядком и соблюдением законов, но я всего лишь человек. А силы принудившие вас к этому путешествию, весьма и весьма велики, и мне они недоступны.

– Если в вашем мире есть такие влиятельные люди, как получилось, что на столь высоком посту оказался «всего лишь человек»? – недоумевала Дея.

– Видите ли, моя дорогая, я не единственный Хранитель в Мрамгоре. Разве один человек может защитить город? Нет. Нас много и каждый в меру своих сил служит государству. Ян

рассказал мне, что у вас люди самостоятельно защищают свои земли. Для этого вы изобретаете всевозможное оружие и плетете интриги. А на страже наших земель всегда стояла магия, но Верховного Хранителя испокон веков выбирали из обычных людей.

– Но почему? – поразила Дея.

– У каждого свое предназначение, – ответил за Вайеса лекарь. – Это правда, основной защитой нашего государства всегда была магия. Веды, Хранители лесов, гор и вод, Страж-птицы и Сагорты – основные силы Багорта, и у каждого из них своя магия. Объединить их может только величайший ум и благороднейшее сердце, для обладания этими качествами не обязательно быть чудодеем. К тому же основное население Багорта – обычные люди, потому и Верховного Хранителя всегда выбирают из людей.

– Горий всегда преувеличивает мою значимость, – смущенно заметил Вайес, поправляя бумаги на столе. – Ну да ладно, думаю на сегодня информации вполне достаточно, осталась только пара рекомендаций, – он секунду помедлил, видимо, решая стоит ли раскрывать все карты. – На прошлом заседании совета я вынужден был рассказать о проникновении, но утаил место откуда вы прибыли, опасаясь паники со стороны граждан, уж больно они у нас мнительные. О том, как и откуда вы к нам пришли, знают немногие и по моей просьбе, они будут хранить это в тайне до тех пор, пока мы во всем не разберемся. Остальным же было сказано, что вы прибыли из Приморья и заблудились, ища вход в город.

– Зачем вы скрываете потенциально опасных пришельцев от своего же народа? – недоумевала Дея. – Разве не проще вынести проблему нашего возвращения домой на совете?

– Господин делает это для вас! – возмущенно ответил за Вайеса Горий. – Чтобы вы могли чувствовать себя как дома и вас никто не чурался.

– Но почему? – не унималась Дея.

– Потому что я предпочитаю не делать поспешных выводов и, понаблюдав за вами, решил, что защита и опека требуются скорее вам, чем Мрамгору. В любом случае время покажет. Думаю, что еще немного у нас его есть. А сейчас ступайте и попытайтесь наслаждаться жизнью, – напутствовал глава Мрамгора со свойственной ему едва заметно улыбкой.

Глава 5
Мрачное видение

Мрачное видение

С тех пор как Дея получила от Вайеса напутствие, осваиваться в замке и радоваться жизни, прошло уже больше месяца. И каждый день девушка пыталась следовать столь немудреному, но сложноосуществимому плану.

Первая сложность, с которой столкнулась девушка была письменность. Способность понимать речь багортцев оказалась чудным даром, но вот навыки чтения приходилось развивать самостоятельно.

Уже через три недели Дея прочла первый текст в мрамгортской библиотеке. Он походил на священное писание и содержал в себе всего несколько строк о миропорядке. Багортцы называли его «каноном».

На висевшей у входа в библиотеку дощечки украшенной узорчатой вязью, были вырезаны такие слова:

«Канон Багорта гласит:

В своем бесконечном стремлении друг к другу все части Вселенной преследуют одну цель – единство.

Мир, в котором мы обитаем, трехчастен: в безвременном и бесконечном пространстве вращается наш дом, чье сердце – огненный змей.

Имя ему – Хора.

Тело Хоры истекает реками и дышит лесами.

Всякая живая тварь – есть дитя Хоры и бесконечной Тьмы.

Потому, следует стремиться телесным к Матери, а душою к Отцу Незримому, вбирая в себя всего поровну.

И в этом есть благо».

Под надписью было схематичное изображение, оно, судя по всему, должно было наглядно отображать трехчастность мира. В центре большого круга был высечен круг поменьше, а в его центре еще один. Из этого маленького внутреннего круга уходили лучи наружу, а от внешнего – внутрь. Эти лучи и символизировали стремление друг к другу всех частей вселенной. На самой поверхности центрального круга по четырем сторонам имелись совсем уж крошечные окружности, от них тоже отходили лучи: один вращался в центральный круг, два устремлялись к внешнему. Это, по-видимому, были четыре континента и все живые твари, что их населяли, – решила тогда Дея.

В ее прежнем мире, может, и оспорили бы этот постулат, но здесь он воспринимался столь естественно и казался таким безошибочным, что нельзя было сомневаться в том, что он верен.

Эта убийственная, совершенная простота и ясность, с какой разъяснялись и упорядочивались столь сложные и необъяснимые механизмы, поразила тогда Дею. Она каким-то пятым чувством уяснила, что миропонимание багортцев непоколебимо и верно в своей незатейливости. Вообще, первое, что изумило Дею в Багорте – это то, как гармонично сочетались наука и очаровательная средневековость в их жизненном укладе.

Текст, который прочла девушка вторым, стал сводом законов Багорта. Его тоже когда-то давно вырезали на небольшой дощечке, и заключал он в себе лишь три пункта:

1. Тот, кто стремиться познать законы Вселенной и открывает для себя ее тайны, должен использовать эти знание благоразумно.

2. Ни одно живое существо, наделенное разумом, не вправе пытаться переделать, либо совершенствовать Храм, дарованный Источником. Совершенствовать дозволяется лишь себя самого.

3. Долг каждого жителя Багорта – содержать Храм в чистоте. Разумно использовать дары Хоры. Не брать сверх меры. В Храме каждому предусмотрено место: зверю, рыбе, птице и чело-

веку. Силиться там, где уже созданы все условия, и развиваться в тех местах, где для этого все предусмотрено.

Внизу была приписка:

«Нарушая законы вселенной, мы порождаем бесов, способных усыпить душу и отравить разум».

А вот об этом она уже слышала от Яна. Помнится, он рассказывал, что молодой столичный ученый предполагал, будто они выходят из некоей темени.

Позже Дея поняла, что багортцы и впрямь четко следуют всем трем законам. Наукой они хоть и занимаются, но исключительно в познавательных и, может, еще в медицинских целях. Потому и походил Мрамгор на средневековый город, в котором правда была практически повсеместная грамотность. А когда она внимательно изучила карту, то увидела, что и третий пункт соблюден с поразительной прилежностью. Все пять крупных городов (хотя, конечно, по меркам Земли, их вряд ли можно было назвать крупными) находились на каменных плато. Замки создали первые Волхвы, пришедшие на Хору еще в незапамятные времена. Их защищала какая-то древняя магия, понимание которой утратилось после Великой битвы (о битве этой Дея пока еще ничего не знала). Так или иначе, выходило, что самой природой были определены места для устройства пяти больших городов: четырех на границах Багорта и одного в центре. Все города соединялись между собой трактами, проложенными таким образом, чтобы не приходилось вырубать леса. Багорт был богат реками, озерами и растительностью. Остальные поселения и мелкие городища континента раскидывались вблизи лесов и водоемов.

Но таилась в этом всем некая странность. Сравнив карту Багорта с картами остальных трех континентов, Дея пришла к выводу, что ее новый дом самый отсталый в вопросе градостроительства. Серварг и Иخور находились примерно на одном уровне. Треть площади в них занимали крупные города, с десятков городов поменьше распространились на вторую треть, остальную территорию занимали села и деревни. В Лонгвине же сел было немного: он скорее походил на мегаполис местного разлива. Больше половины его площади покрывали плотные застройки, где практически отсутствовала растительность.

«Ну, прямо как современные города на Земле», – подумала Дея, рассматривая красочную, старательно начертанную карту. Помимо больших городов было также множество маленьких. Совсем никем не заселенным оставался разве что прибрежный район, где по кромке моря раскинулись бухты, прячущиеся под навесными скалами (к карте прилагались изящные зарисовки). Степи за морем тоже не были обжиты, и это показалось Деи странным. Такой крупный и развитый континент, а земли у моря не тронуты. Загадка.

Загадкой, впрочем, был и сам Багорт. Выходило, что развитие на Хоре было неравномерным, как и на Земле. Но как умудрился Багорт так сильно отстать от других континентов, и было ли это намеренным? Правда сам свод законов зеленого континента не позволил бы ему пойти по пути развития Лонгвина. Но почему же тогда Багорт не стал еще его колонией?

На Земле неразвитые народы всегда попадали под влияние технократичных государств, но на Хоре дела обстояли иначе. Наверно, рассудила Дея, Багорт за счет магии остается самым сильным континентом на Хоре, сознательно консервируя технический и научный прогресс, чтобы эта самая магия не покинула их земли. Хитро, а главное действенно.

Сидя в библиотеке и рассматривая карты и зарисовки достопримечательностей, Дея ужасно хотелось воочию узреть все это утопическое великолепие, но Вайес строго-настрого запретил выходить за территорию замка. В конце концов, она стала привыкать к своей сказочной клетке, а в особенности к той ее части, где трудились сборщики урожая.

Замковый сад был столь огромен, что в нем можно было заблудиться. Ей нравилось сидеть у водопада и наблюдать за резвящейся детворой, ухаживать за розовыми кустами и собирать урожай. Прежде она даже не подозревала, что где-то могут существовать такие сады. В ее другой жизни многие годы она ограничивалась убогоньким газончиком с метр в ширину,

с одной его стороны была чугунная оградка, с другой – ненавистные серые стены ее пристанища. Только когда в их интернате появился новый директор, им изредка стали устраивать походы за город. Так она и побывала на острове Койонсаари, образ которого прочно засел в ее памяти.

В общем и целом, она была вынуждена признать, что изменения в их с Яном жизни во всем были хороши. Жили они в отдельных комнатах с собственными уборными, располагающимися в лучшем замке, который она когда-либо видела (особенно если учесть, что предыдущие были только на картинках). Грязные, засаленные стены, потрескавшийся потолок и незакрывающееся окно в спальне для девочек, теперь казались ей кошмаром.

Помимо сада Деи полюбилась и библиотека замка, она насчитывала тысячи томов, существовавших, как правило, в единственном экземпляре, потому как все они были рукописными. В огромном зале со сводчатым потолком, возвышающимся на добрых пятнадцать саженей, всегда было прохладно. Дея считала, что умеренная температура поддерживалась для того, чтобы каллиграфов, старательно переписывающих огромные фолианты, не клонило в сон. А Ян утверждал, что просто шесть каминов не справлялись с отоплением такого огромного помещения.

Но жители Мрамгора были, судя по всему, довольно любознательны, потому как несмотря на прохладу с утра и до позднего вечера библиотека полнилась народом. Длинные лестницы на колесиках беспрестанно катались от одного стеллажа к другому, металлические перья скрипели, пергамент шуршал и только периодические чихания и сморкания разбавляли эту канцелярскую идиллию. А идиллию Деи омрачал тот факт, что их появление в этом сказочном раю было тщательно спланировано, но кем и для чего, по-прежнему оставалось загадкой.

Все жители замка трудились в нем по мере своих сил. Дея, даже будучи гостьей, не хотела нарушать этого негласного правила, поэтому предпочитала проводить время в саду за сбором урожая, чувствуя необъяснимую связь со всеми растениями будь то маленькая былинка или вековой ясень, охранявший границы сада. Все они отзывались на ее прикосновения, и порой ей казалось, что в шелесте листьев она разбирает отдельные слова.

Несмотря на то, что за целый месяц пребывания в замке, Ян нашел себе не мало друзей, он старался не разлучаться с Деей на долго, а когда все же это случалось, он знал, где может ее отыскать. Если ни в комнатах, ни в библиотеке, ни в трапезной ее не было, следовало идти в сад и высматривать ее среди рабочих.

Вот и сегодня он нашел Дею за сбором яблок. Неслышно подкравшись, Ян надеялся застать подругу врасплох, но неугомонные фрукты уже возвестили о его приходе хихиканьем.

– Вот так всегда! – досадовал он. – Вечно они портят эффект неожиданности.

– А ты не подкрадывайся – улыбаясь, ответила Дея, – сможешь мне?

– Ну, уж нет. Они только тебя слушаются.

Плоды и, правда, давались в руки не всем, поэтому, когда настало время сбора урожая, у Деи появилось много работы. Фрукты надлежало не просто собрать, но и усыпить, прежде чем их отнесут на кухню. Эта работа Деи давалась легко, Яна поражало, как быстро плоды замирали под ее тихую песню. У каждого сборщика она была своя, но Дея, напевала никому неизвестную в Мрамгоре гальярдю «Зеленые рукава» – мелодию, полюбившуюся им с детства.

– Дея, а ты можешь оставить свою работу хотя бы на один день? – поросли Ян, прервав ее пение. – У меня для тебя сюрприз, который затмит все твои венки! Я тебе такое по... – договорить Ян не успел, послышался резкий шлепок, и он отлетел в сторону, неуклюже приземлившись на пятую точку. – Почему они такие вспыльчивые!? – раздосадовано буркнул он.

– Потому что ты не выказываешь им должного уважения, – смеясь, ответила Дея. – Скажи спасибо, что тебя через ограду не перекинули.

– Я буду ждать тебя в главной башне, – пробубнил он, отходя подальше от драчливой яблони. – И, пожалуйста, не тяни, через три часа стемнеет.

«Интересно, что он придумал на этот раз!?» – с тревогой подумала Дея и, передав корзину носильщику, пошла в сторону ее нового дома.

С центральной башни – самой высокой в замке, открывался чудесный вид на город. А в пасмурную погоду ее верхушка тонула в облаках, поэтому на балконе часто собиралась мелюзга, чтобы поиграть в прятки. Но сейчас было ясно и вечер обещал стать прохладным, а ночь звездной. Когда Дея добралась до места, поняла, что в самой башне никого не было, правда с балкона, опоясывающего ее, доносился какой-то шум.

Дея пошла на звук и чуть не поперхнулась собственным криком, выходя на площадку. Ян стоял облокотившись о каменные балясины и бормотал что-то бессвязное, глядя по спине огромную птицу. Перья ее на вечернем солнце казались перламутровыми, а когти отливали сталью, она расправляла бесконечно длинные крылья и курлыккала от удовольствия.

Птица первая заметила появление Деи. Развернувшись, она посмотрела на озадаченную девушку удивительно умными, почти человеческими глазами.

– Дея, не пугайся, подойди ближе, – Ян протягивал ей руку, приглашая приблизиться. – Маюн уже давно ждет встречи с тобой.

За месяц жизни в замке Дея, казалось, должна была бы уже перестать удивляться всяким чудесам, но Маюн производила очень сильное впечатление. Девушка, конечно, уже знала, что Страж-птицы были в Багорте одними из важнейших защитников порядка и покоя граждан. Но Маюн... Несомненно, эта птица – старший Страж, слишком уж осмысленный и горделивый у нее был взгляд.

Пока Дея строила свои умозаключения, чудо-птица сама подошла к ней и припала к мраморному полу.

– Она приглашает тебя прокатиться, – пояснил Ян и в голосе его слышалось восхищение.

Девушка колебалась. Хоть она и жила порой в мире своих фантазий, но все же была рассудительна в отличие от Яна, который скучал без приключений и если не притягивал их, то придумывал сам, старясь и Дею в них втянуть. Он сейчас походил на нашкодившего студента, пытающегося склонить ее к беспорядку.

– Дея, ну, что ты? Там, за оградой потрясный город, Лимонная река и Синий лес. Держу пари, ты такого даже во сне не видела. Маюн хочет тебе все это показать с высоты своего полета. Она сама просила меня привести тебя к ней, – добавил он шепотом.

Дея протянула к птице руку, чтобы погладить по жемчужному оперению.

– И давно ты в летчики заделался? – посмеивалась она над очередной авантюрой друга.

– Уже две недели, – заметно смущаясь, отвечал Ян. – Извини, я не говорил тебе ничего до сегодняшнего дня, потому что не был уверен... – Он запнулся.

– А сейчас уверен?

– Я – нет, но Маюн говорит...

– М-м-м... говорит? – Дея улыбнулась. – Вы обсуждали что-то за чашечкой чая?

– Дея, я удивляюсь твоей скепсису! – возмутился Ян. – Ты сама собираешь болтливые сливы, забыла?

– Извини, Ян, – она потрепала его по непослушным волосам и он мгновенно оттаял. – И вы, Маюн, извините мне мою грубость, – обратилась она на всякий случай и к новому увлечению своего друга.

Птица что-то коротко урлыкнула, повернувшись к Яну, а затем снова устремила свои почти человеческие глаза на Дею.

– Она не в обиде, – пояснил Ян.

Дея повела глазами вправо, влево, ища электронное табло с сурдопереводом, а Ян как ни в чем не бывало, подтолкнув смущенную девушку к Маюну и помог устроиться у нее на спине.

Затем и сам, оседлав крылатого Стража в одно мгновение, коротко крикнул по-птичьи, и они взмыли в небо.

До последнего момента Дея не верила в то, что должно было произойти, поэтому, оторвавшись от гранита, она зажмурилась, а когда рискнула открыть глаза, ее охватил неопиcуемый восторг. Замок белого мрамора, сад с его водопадом и фонтанами, стена и пространство за ней, тонущее в непроглядном густом тумане сделалось невероятно крошечным, но очень красивым. Как ни силилась Дея проникнуть сквозь этот туман взглядом, ей ничего не удавалось.

– За стеной всегда так мутно? – поинтересовалась она у друга.

– Да, за стеной всегда туман, многие считают, что он скрывает пустоту за ней. Но тебе лучше других известно, что там. Думаю, лишь немногие из багортцев побывали там.

Они пролетали над городом, над его домами и проспектами, над главной и рыночной площадями, мостами и статуями. Деи даже показалось, нет, она была в этом абсолютно уверена, одно из изваяний помахало им рукой. Птица-страж кружила над Мрамгором без опаски, то спускаясь, позволяя ребятам разглядеть город, то вновь взмывая к границе облаков. Она даже пролетела сквозь одно из них, и одежда в мгновение увлажнилась.

Покружив над городом, они полетели за его пределы, и вскоре городская стена и уютные деревушки за ней, да засеянные поля и прозрачные водоемы остались у Деи за спиной. Маюн стала снижаться и девушка увидела зеркальную гладь озера. «Как в моем видении за стеной», – удивленно подумала она.

Озеро было окружено густым лесом, и когда они пролетали над ним, поднялся сильный ветер, встревоживший листву. Девушке отчетливо послышались голоса, и она стала прислушиваться к ним, а когда разобрала слова, чуть было не свалилась с Маюот от неожиданности. Голоса повторяли и повторяли ее имя, и чем дальше они улетали от озера, тем отчаяннее ее звали.

– Что это за место? – спросила она у Яна.

– Это озеро Лад – сокровище Синего леса, – отвечал тот.

– Почему синего?

– А ты приглядиись, хотя конечно в сумерках не очень хорошо видно.

И Ян направил Маюон вниз к макушкам деревьев. Чудо-птица мягко приземлилась на ветку самого высокого из них, и Дея ахнула. Листва деревьев была всех оттенков синего: от ультрамарина до небесно-голубого.

Ян слез с птицы и помог Деи спуститься, усадив ее на широкую ветку могучего дуба, Маюон же взмыла в небо и вскоре скрылась из виду.

– Она вернется, проверит только все ли здесь спокойно. Синий лес уже много лет без Хранителя. Многие пытались взять на себя эту обязанность, но он никого не принимает, поэтому Маюон приглядывает за ним. И все же, говорят, лес порядком одичал за то время, что стоит без охраны.

– Что значит не принимает Хранителя?

– Говорят, на протяжении многих веков Хранителями Синего леса была династия Ладгальд. Этот дар передавался в их семье по крови, но у последних представителей был всего один ребенок. Вся их сила перешла к нему, и они больше не могли иметь детей. Но дитя пропало и мать не перенесла горя – скончалась вскоре после исчезновения чада. Отец, оставшись один, покинул эти края. Род Ладгальд прервался, а лес все еще ждет, тоскует по ним и не принимает никого другого. Но это всего лишь легенда.

Они сидели высоко над землей, воздух был чистым, будоражащим, пьянящим.

«Какой все-таки удивительный этот Багорт, – думала про себя Дея. – Вполне обычные природные явления, но непривычной окраски, говорящие птицы и плоды, неведомые существа и поразительные, волшебные места, о которых даже самому Верховному Хранителю мало что

известно». Этот мир, полный загадок и чудес ждал, когда она начнет их раскрывать, вот только понять бы, как они в нем оказались и по чьей прихоти.

Дея опустила голову на плечо друга, тот болтал ногами и всматривался в даль. Они молчали, им было хорошо здесь вдвоем.

– Послушай, Ян, – неожиданно встрепелась она, – ты начал мне рассказывать там, в башне... ну, про то, что Маюн в чем-то тебя убедила.

Ян явно был рад тому, что Дея подняла эту тему. Он тщетно пытался придать голосу будничным тон, но было видно, что тайна, которую он готовился открыть будоражит парня. Ему не терпелось поделиться ею.

– Пока ты шерстила в библиотеке замка карты, я читал общую историю Багорта. Так вот, Багорт – одно из прекраснейших и уникальнейших мест на Хоре, – начал пересказывать прочитанное Ян. – Он наделен редкими природными ресурсами и уникальными существами, к тому же в Багорте сосредоточены основные силы Волхвов. Лонгвин не раз пытался захватить наш континент, но пока ему это не удавалось, а все потому, что он тщательно охраняется. Веды выставляют всевозможные защитные барьеры, птицы контролируют Багорт с воздуха, в каждом крупном лесу есть Хранители, а за теми, где их нет, приглядывают Страж-птицы. Еще водоемы и горы, они тоже все охраняются. И у каждого Хранителя есть своя, хотя бы не большая магия, она у них в крови, – гордо заявил Ян. – И только у Верховного Хранителя, как тебе уже говорил Вайес, магии нет. Но ему она и не нужна, он объединяет всех остальных и призван принимать все важные решения, поэтому на эту роль всегда выбирают мудрейшего. Это все нам лекарь уже рассказывал, помнишь? Но о Сагортах он лишь вскользь упомянул, а они очень важны, потому что могут говорить с животными, птицами и рыбами. Сагорты своего рода переводчики, связывают людей и животных. Даже Веды не все могут слышать их, а Сагорты способны. Представляешь?

– Ты разговариваешь с Маюн! – вскричала ошарашенная Дея, понимая, к чему клонит друг.

– Угу.

– Ты понимаешь всех животных?

– Не всех, – пояснил Ян, – только птиц и других крупных летучих тварей.

Ян был ужасно горд собой, таким счастливым Дея еще никогда его не видела. Было очевидно, что Ян, не способный найти своего места там откуда они пришли в этот мир чудес, обрел, наконец, настоящий смысл жизни и дом. Но кое-что все-таки смущало Дею.

– Ян, ты говоришь, что магия у Хранителей и Сагортов в крови, – настороженно излагала свою мысль девушка, – но это значит, что она своего рода мутация или же ген, передающийся от поколения к поколению. Как это возможно, ведь мы родились не здесь, забыл? Если бы в твоей крови был какой-то иноземный ген, его бы заметили на Земле.

Но ее друг, похоже, был слишком счастлив, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. А если он и думал об этом, то как об очередном захватывающем приключении или таинственной загадке, которую ему предстоит разгадать.

– Да, я конечно об этом думал и, сдаётся мне, что это во всей нашей истории самое интересное, – начал Ян с энтузиазмом. – Дея, ведь мы сироты, мы никогда не знали своих родителей. Нас обоих просто оставили у дверей интерната, подкинули. И это все, что нам известно. Я не удивлюсь, если Багорт окажется нашей истинной родиной.

– Твоя фантазия поистине не имеет границ.

– Но ты не можешь отрицать, что тоже не вполне обычна! – не унимался Ян. – Ведь не многие могут собирать эти дурацкие фрукты, они ведь не всем в руки даются, верно?

– Ян, тебя заносит. Мы просто адаптируемся к этому месту, вот и все! – настаивала Дея. – Когда Вайес вел меня к стене, он говорил, что не все жители Багорта родились тут, но в конечном итоге оставшиеся становятся частью этого места и со временем перестают отли-

чаться от остальных. А тем, кому не пройти адаптацию самостоятельно, помогает пространство за стеной. Понятно тебе, фантазер?

Дискуссию друзей прервало появление Маюн. Она показалась над верхушками деревьев и плавно приземлилась на их ветку. Ян, молча усадил Дею на спину птицы и, устроившись у нее за спиной что-то крикнул Маюн.

Они хранили молчание, делая вид, что раздражены, но на самом деле это было не так. Такие разные они удивительным образом дополняли друг друга. Авантюрист Ян и рассудительная Дея понимали, что не смогут жить порознь. Ян не выпутался бы без нее и из половины своих бестолковых злоключений, а ей без него стало бы смертельно скучно.

Маюн облетела весь лес и Дею поразили его колоссальные размеры. Такой необъятный, с плотно сомкнутой кроной деревьев, он казался неприступным, призванным охранять что-то. Лишь озеро Лад светилось будто драгоценный камень в листовенной оправе. Оно, несомненно, было сердцем леса, его главным украшением и чувствовалось, что там кипит жизнь. Но разглядеть какая именно Дея не успела, Маюн летела слишком быстро и вскоре они уже кружили над лысой горой, как ее называли местные. С небес вид на эту гору был особенно прекрасен, потому как открывалась ее главная особенность, а именно загадочный спиралевидный узор. Казалось, будто гранит и мрамор расплавили и неравномерно перемешали, а рисунок потом так и застыл.

Маюн покружила над лысой горой, дав возможность получше рассмотреть ее диковинную красоту и помчалась дальше к полям вполне себе обычного изумрудного цвета, только вот эти на первый взгляд ничем не приметные поля тоже были на редкость сказочными. Вся их площадь оказалась усеяна движущимися точками, и большинство из них стекались к сверкающей золотой ниточке.

– Что это там внизу? – воскликнула замороженная Дея.

– Дикие кони пасутся на Лимонной реке, – ответил Ян, и Маюн стала медленно снижаться.

Точки начали вырисовываться в силуэты, и скоро Дея уже могла разглядеть изящных, тонконогих лошадей такого же лимонного цвета, как и река, у которой они паслись. Некоторые особо крупные были в серое яблоко с гривой желтого оттенка.

– Те, что покрупней – жеребцы, – пояснил Ян, – они только на закате такие красивые, днем они белые, а река, ничем не отличается от Невы. Но как только солнце начинает садиться, она окрашивается в его золото и кони вместе с ней.

Картина действительно была на редкость удивительная. Яркий блеск реки в закатном солнце и великолепные скакуны, задирающие свои головы с развивающимися на ветру гривами, они дружно били копытами, как бы приветствуя летунов.

– А что за необычное захоронение на том берегу? – спросила Дея, заметив странные очертания теней с другой стороны реки.

– Какое еще захоронение? – удивился Ян.

– Да вот же на другом берегу, – пояснила Дея, указывая рукой на пустое поле.

– Но там ничего нет! Там и стада – то не пасутся никогда.

Небольшое поле, поросшее чертополохом и полынью, за рекой оказалось довольно унылым, наверное, потому что было ничем не примечательно и упиралось во вполне себе обычный, чахлый лесок. Он казался таким же безжизненным и пустым, как и само поле. Но не для Деи. Она видела, как в зарослях трепещут и колышутся на ветру жуткие, призрачные могильные плиты, окружающие такой же зловещий полупрозрачный склеп. А в лес уходила почти разрушенная колоннада с кое-где сохранившимися капителями.

– Я бы тоже не стала пастись на кладбище, будь я кобылой, особенно такой как эти, – отвечала она, замороженно глядя в сторону склепа.

– Если там и есть какие-то захоронения, то они видны лишь тебе, – глухим голосом протянул Ян.

– Спроси у Маюн, она-то уж должна знать, что это.

Ян склонился к птице, и они заурлыкали на ее птичьем языке. Деи показалось, что разговор их становился тревожным. И вот Маюн резко развернулась и, стремительно набрав высоту, понесла друзей прочь от этого места.

Дея поняла, что это недобрый знак – ее видение чем-то встревожило Страж-птицу.

Всю обратную дорогу они летели молча.

В замок вернулись довольно быстро: Маюн не кружила над полями и почти не снижалась, так что Синий лес превратился в темное пятно, а озеро лишь сверкнуло маленькой точкой. Она неслась стрелой к глыбе замка, светившегося белизной на фоне уже потемневшего неба. Только однажды она замедлила полет, когда их окружила стайка крошечных птичек, щебетавших на все лады. Маюн что-то коротко им проклекотала, и они стремительно помчались вперед, опережая их.

Приземлившись на том же месте, откуда они начали свое путешествие, друзья прислушались. Неподалеку раздавались торопливые шаги.

– Это должно быть Вайес, а с ним, наверное, лекарь, – пояснил Ян, уловив настороженное выражение на лице Деи. – Маюн послала гонцов в замок, чтобы они передали Вайесу ее просьбу подняться.

Шаги тем временем приближались, и вот в проеме показался глава Мрамгора, а за ним и лекарь.

– Добрый вечер, мои дорогие, – чуть запыхавшимся голосом поприветствовал всех Вайес, лекарь только кивнул. – Прими мои поздравления, Ян! – Верховный Хранитель протянул к нему обе руки и заключил в них внушительных размеров пятерню Яна, легонько потряхнув ее. – Маюн избавила тебя от рассказа о самом себе. Поздравляю, поздравляю, мой дорогой друг, церемония посвящения в Сагорты будет назначена на следующий месяц.

– Я... я... – начал было ошарашенный Ян, но лекарь остановил его.

– Все, что необходимо Маюн нам уже сообщила. Она утверждает, что проверила тебя по всем пунктам и у нее не осталось никаких сомнений. Тебе, конечно, еще очень и очень многому предстоит научиться, но главное, что в твоих жилах течет кровь Сагорта, Маюн в этом абсолютно убеждена. Ты настоящий дар для Багорта! Сагорт Тоил уже совсем стар и ему тяжело подниматься в башню, не говоря уже о том, чтобы летать. Его сын погиб, а дочь не унаследовала гена. Сама Хора послала нам тебя! – и лекарь тоже принялся судорожно трясти руку Яна, от чего тот сильно смутился. От Гория, всегда такого сдержанного и даже, пожалуй, суховатого, он не ожидал такой реакции.

– Но есть и еще одна новость, не столь радостная, верно? Что так встревожило тебя? – обратился Вайес к Маюн.

Птица легонько ткнула замечтавшегося Яна и тот, очнувшись от грез, стал поспешно переводить.

– Маюн показалось важным, что Дея может видеть то, что видеть не полагается, – расшифровывал Ян птичье урлыкание. – Она узрела на лимонной реке захоронения древних Ведов.

– В самом деле? – Вайес развернулся к Деи и, склонив голову на бок, вопросительно уставился на нее.

– Да, – ответила она.

– Интересно... – протянул он и, оперев тонкие пальцы в подбородок, принялся медленно расхаживать взад и вперед. – У тебя есть соображения на этот счет? – обратился он к Маюн.

– У меня может быть только одно соображение, – перевел Ян, – у нее в крови магия. И не только лесная.

– Странно, весьма странно. Не думаешь ли ты, что она может быть Ведуньей?!

– Не знаю, – делилась своими соображениями Маюн, – я не уверена, что она сможет творить ворожбу, она ведь выросла в чужом мире, а Ведов учат с детства, но... – помедлив, Маюн продолжила, – она видит чужую. С ее кровью что-то не так.

– Да, ты права, Маюн, – размышлял вслух Вайес, – смотреть сквозь чары может лишь тот, в ком они есть. Это все усложняет.

Дея предпочла не вмешиваться в разговор о материях, смысл которых был ей не вполне ясен. Она изо всех сохраняла спокойствие, делая вид, что обсуждаемое не имеет к ней ни малейшего отношения, просто слушала, стараясь не делать никаких предварительных выводов. Зато Ян, потрясенный своим стремительным взлетом и желавший для подруги не меньших успехов, не мог скрыть переживаний из-за неопределенности ее положения.

– Отчего вас так удивляют ее ведические способности? – недоумевал он, – мои у вас шока не вызвали, скорей, наоборот.

– За стеной она проявилась не как Ведунья, – пояснил лекарь. – Да и последующая ее деятельность говорит о совсем иных талантах!

– Разве человек не может обладать несколькими способностями одновременно? – удивился Ян.

– Способностями может, – мягко пояснил Вайес. – Человек может обладать массой талантов одновременно. Быть превосходным наездником, чудесным музыкантом, готовить наивкуснейшие кексы и составлять карты увиденной однажды местности по памяти. Но то, чем наделены вы с Деей, не простые способности – это гены и передаются они только наследным путем. Проще говоря, мои дорогие, в вашем генеалогическом древе были люди, наделенные даром, которым теперь обладаете и вы.

– Но разве у Деи в родне не могло быть и Волхвов, и Флорвиков, ведь на них вы намекали, говоря о ее проявившихся способностях? – не унимался Ян.

– Ребенок не может унаследовать все способности разом, – декламировал лекарь, садясь, по-видимому, на своего любимого конька, – чья кровь сильнее, та и возьмет верх. Иначе говоря, ребенок наследует только один ген. Это очень и очень сложная материя, мы и сами не всегда понимаем, как наследуются гены. Ты ведь уже знаешь, что у Хранителей иногда рождаются вполне обычные дети? Это может происходить, если один из родителей был простым человеком, кровь людей также может быть весьма сильной. Но гены с разной магией не совместимы и еще не было ни одного представителя опровергнувшего эту теорию. Дея действительно имеет прямое отношение к Флорвикам. То, что она видела за стеной и ее работа, которой она так увлеченно предается в саду замка, об этом свидетельствуют, – закончил лекарь тоном, не терпящим возражений.

После недолгой паузы Маюн подала голос, и Ян поспешил перевести.

– Вы не думали, Господин, что какой-нибудь недобросовестный кудесник мог использовать ее в своих целях?

– Да, Маюн, твои пугающие догадки и мне пришли на ум, – признался Вайес.

– Такие незаурядные способности могут быть следствием кровного заклятия, – загробным голосом протянул лекарь, тут же закусив губу.

Вайес ушел в свои мысли, уставив немигающий взгляд на проклевывающиеся в небе звезды, Горий принялся изучать кладку на смотровой площадке, Маюн, склонив на бок голову, выжидающе смотрела на своего Господина, а перепуганный Ян пытался усмотреть на застывшем лице Деи хоть какое-то выражение. Он не вполне понял смысл диалога, но что-то подсказывало ему, что с его подругой приключилась темная и, вероятно, очень скверная история.

– Может быть вы будете любезны и растолкуете мне о кровном заклятье подробнее? – заговорила, наконец, Дея, от чего все немедленно встрепнулись.

– Некоторые заклятия требуют участия простых людей. Веды иногда используют нас как сосуды для хранения чего-нибудь ценного. То, что они прячут, конечно, не материально. – Вайес говорил медленно, не сводя глас со звезд. – Для того чтобы иметь связь с этим человеком, нужен несложный ритуал. Вед жертвует сосуду свою кровь, а взамен берет его. Но это запрещено законом и карается смертной казнью, – глава Мрамгора оторвался от звездного неба и резко развернулся к девушке. – Дея, вас могли связать с Ведом еще в раннем детстве. Не думаю, что утрата родителей в столь юном возрасте случайность, – на секунду он задумался. – Хотя, вас могли выбрать как раз потому, что некому было за вас заступиться. Выяснить это теперь будет чрезвычайно сложно, но, так или иначе, Вед, с которым вас предположительно связали, все еще жив.

– Почему вы так думаете? – спросила Дея.

– Я не настолько хорошо разбираюсь в ворожбе, но, если мне не изменяет память, связь распадается в том случае, если один из связанных умирает, – Вайес посмотрел на Дею с невероятной нежностью и тревогой. – Но, моя дорогая, не будем делать поспешных выводов, это одно из объяснений, найдутся и другие. Горий, необходимо проверить наше предположение, – обратился Вайес к лекарю.

– Чтобы это проверить, нужно связаться со жрецами, – отвечал тот.

– Правильно, соберем совет, – предложила Маюн.

– Вы совершенно правы, нам в этом сложном вопросе не мешают разъяснения самих жрецов. И, тем не менее, с большим советом я бы пока повременил. Если мы не найдем талантам Деи другое объяснение и если в этой истории действительно замешаны Веды, то они уже знают о провале их мероприятия. Не будем забывать, откуда и при каких обстоятельствах попали к нам наши новые друзья. После произведенных таинственным нарушителем или нарушителями манипуляций, по-видимому, чрезвычайно сложных, ребята все-таки сбежали от стражников кольца. А жрецы по-прежнему не заявили о том, что кто-то пробил брешь в их защите, а потом беспрепятственно покинул их неприкосновенную территорию. Мы не знаем, кто может за этим стоять, а цель, ради которой Вед пошел на преступление, вряд ли благая. То, что стражники не заявили старейшинам о вашем визите в их святыню, может свидетельствовать о заговоре. Все это время я ждал от жрецов официального заявления о вторжении, но теперь я убежден – они вообще не знают о случившемся. На прошлом совете я утаил тот факт, что вы попали на границу Мрамгора через кольцо Ведов и, если вы помните, я также утаил и то, откуда вы прибыли, опасаясь паники со стороны граждан.

– Но как же мы все выясним, если вы боитесь сказать правду о том, что мы осквернили их святыню своим присутствием? – сокрушался Ян. – Ведь если Дею действительно использовали как сосуд, ей может сильно навредить то, что в ней спрятано! Почему нельзя просто спросить у ваших чародеев, у кого-нибудь, кому вы больше всего доверяете.

– Нет, Ян, – вновь неожиданно для всех вступила в диалог Дея, – если я правильно поняла, когда ты рассказывал о мощи и неприступности Багорта, ты говорил, что здесь собраны основные, но далеко не все силы Ведов. А также ты говорил, что многие пытались его захватить.

– Да, – подтвердил Ян, понимая, куда клонит Дея.

– То, что во мне, возможно, спрятано, может оказаться оружием против Багорта, а не рассказавшие о нас тени, скорее всего, действительно в сговоре с злоумышленником. Если кто-то притащил нас сюда для своих целей, нам лучше держаться так, будто мы об этом и не подозреваем, – голос Деи стал металлическим, – настало время мне выйти из замка, Вайес.

– Что ты такое говоришь!?! – взревел Ян. – Да после того, что мы узнали, я бы тебя вообще в сундук спрятал.

– Ага, и замок повесил.

– Нет, охрану поставил! Вайес, почему вы не возражаете ей?

Но глава Мрамгора на удивление Яна смотрел на Дею с благоговейным восторгом и горечью одновременно. Казалось, в нем происходит какая-то внутренняя борьба, он о чем-то сосредоточено размышлял или пытался принять решение, дававшееся ему с огромным трудом. Наконец, после долгой паузы он заговорил, обращаясь к одной Деи.

– Такая самоотверженность делает вам честь, моя дорогая. Я подозревал, что ваше сердце столь же благородно, сколь и весь ваш облик, – прошелестел Вайес извиняющимся, как показалась Яну, тоном.

Секунду помедлив, он обратился к Яну.

– А сейчас, мой друг, я попрошу вас проводить Дею в ее комнаты, ей необходимо выспаться и еще раз все хорошенько обдумать. Такие важные решения необходимо испытывать сном. Порой на утро они начинают казаться нам ужасно безрассудными. – Он погладил Дею по плечу и тихонько прибавил, – жду вас завтра к обеду у себя, Ян проболтался мне, что вы любите черничный пирог. Я попрошу приготовить его специально для вас.

Все распрощались, и Ян повел подругу, как и велел Вайес в ее комнаты. Дея шла немного впереди, не следя за дорогой, вовлеченная в свои мысли.

– Что ты задумала, Дея? – спросил Ян.

– Точного плана у меня пока нет, но я намерена выяснить, что за шутник вздумал использовать меня как пустой горшок! – гневно прошипела она.

– Но ведь не известно наверняка, что тебя связали с кем-то кровным заклатьем.

– Значит, пора выяснить, что здесь затевается и как мы к этому причастны.

– Но, Дея! – взмолился Ян. – Это опасно!

– С каких это пор тебя беспокоит степень опасности наших мероприятий?

– Всегда беспокоила! – не унимался Ян. – Одно дело мои чудачества и совсем другое – ты.

– Как ты не понимаешь, Ян, даже если бы я не была впутана в эту историю, она все равно может мне навредить. Опасность может грозить всему Багорту, а Вайес все равно не в силах вернуть нас обратно. Ведь мы не знаем ничего. Может, это очередное вторжение в Багорт, тогда пострадают многие. А я не хочу быть оружием в чьих-то руках.

– И что ты намерена предпринять?

– Я же уже сказала, пока не знаю. Но, думаю, пора выйти из укрытия и посмотреть, не зашевелятся ли наши темные лошадки. Ты ведь теперь Сагорт, а Сагорты всегда стояли на защите Багорта, пора тебе взвалить на плечи бремя дара.

– Дея, ты хочешь взять на себя роль приманки? – растягивая каждое слово, произнес Ян.

Ошарашенный своей догадкой, он с силой развернул ее к себе лицом и, вцепившись в ее тоненькие плечи, уставился немигающим взглядом.

– Вайес советовал выспаться, – произнесла спокойно Дея, мягко высвобождаясь из цепкого дружеского плена, – не знаю, как ты, а я воспользуюсь его советом.

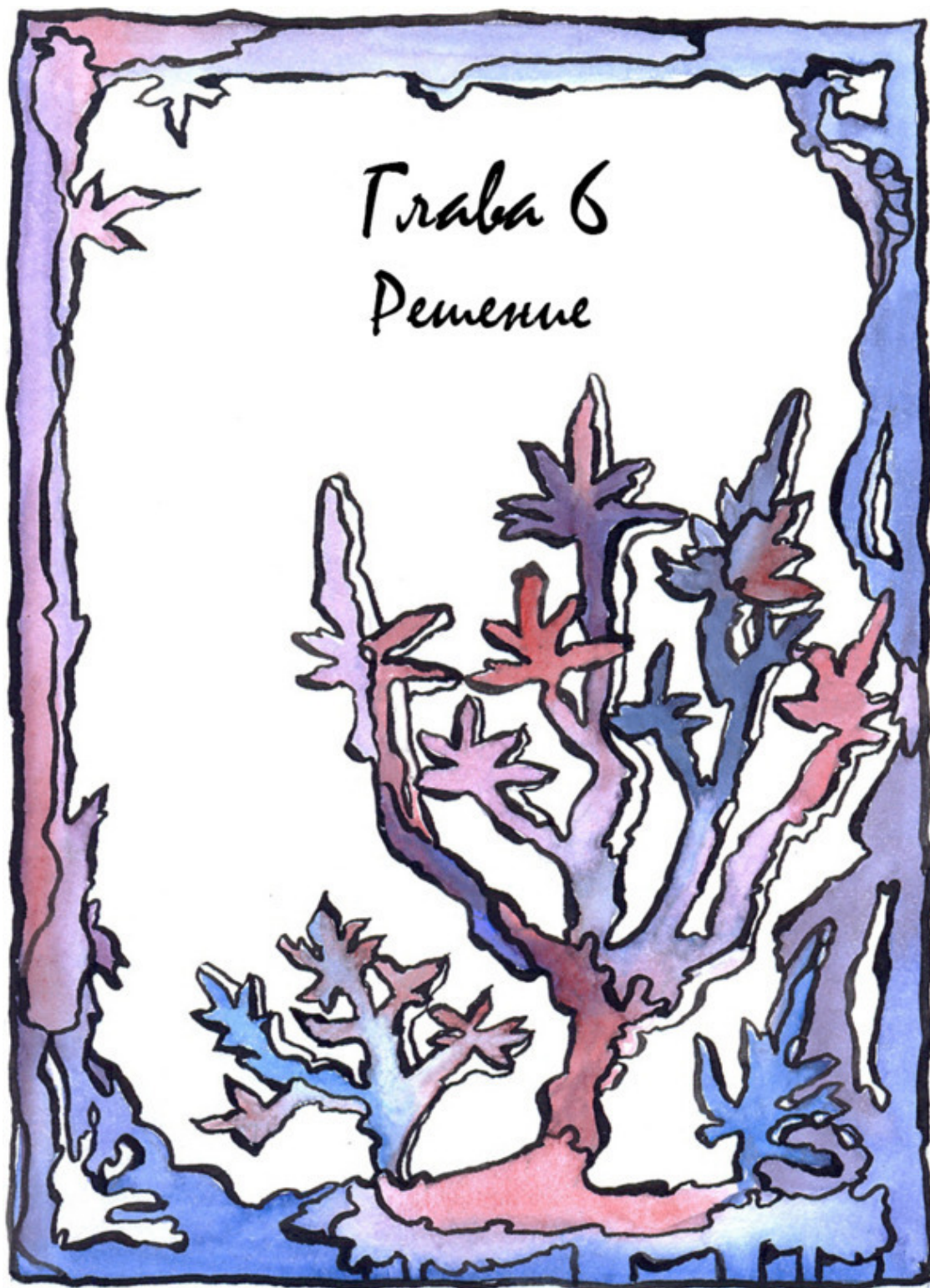
– Нет, Дея, я не хочу оставлять тебя одну, – взмолился растерянный Ян. – Разреши мне остаться у тебя. Я устроюсь в каминной на диване.

– Ян, замок хорошо охраняется, а если бы мне потребовалась дополнительная защита, Вайес наверняка приставил бы к моим комнатам стража. К тому же тебе и самому надо быть в хорошей форме, а беспокойный сон на диване не способствует полноценному отдыху.

Они остановились у дверей ее комнат. Дея потрепала его волосы привычным жестом и Ян, облокотившись от бессилия о стену, посмотрел ей в глаза, мысленно умоляя передумать.

– Спокойной ночи, – прошептала она тихо и сделала то, чего раньше не делала никогда – сжала его ручищу в кулак своими хрупкими пальчиками и нежно поцеловала костяшки его пальцев.

Не успел Ян очнуться, как она уже скрылась за дверью. Он постоял еще несколько минут у ее комнат, разглядывая свои руки отсутствующим взглядом, потом поднес их к губам, пробубнил что-то бессвязное и побрел к себе.

Решение

Было около полудня. В залитой солнцем спальне Дея сидела у огромного зеркала в чугунной раме и расчесывала свои длинные волосы. Это занятие всегда помогало ей сосредоточиться. Медленно проводя щеткой и распрямляя янтарные кольца волос, она смотрела вперед, но, казалось, не видела своего отражения в зеркале, взгляд ее был застывший, и только легкая складочка на переносице выдавала активный мыслительный процесс.

Вчерашние события вновь потревожили почти устоявшийся порядок. Всю ночь она ворочалась в постели, пытаясь призвать сон как спасение от мозгового штурма, но заснула только под утро. Беспокойная дрема не дала ей облегчения, скорее, напротив, посеяла еще большую смуту в голове.

Странный сон, пригрезившийся ей уже на рассвете, окончательно выбил девушку из равновесия. Его нельзя было назвать кошмаром, в нем не происходило ничего особенно ужасного, но пробудилась она в совершенно расстроившихся чувствах.

Уцепившись за это ощущение и пытаясь восстановить в памяти подробности этого сна, она с досадой признала, что, как и большинство сновидений, сегодняшнее стремительно растворилось сразу после пробуждения. А все его события уже успели перемешаться, превратившись в нестройную повесть.

Дея запомнила только то, что снился ей ее интернат. Она сидит в маленькой библиотеке за кипой каких-то пыльных книг, наводящих на нее тоску, что уже само по себе было странно, потому что книги Дею редко заставляли скучать. И вот она засыпает в собственном сне и чудится ей (как это во снах часто случается) неведомая параллельная реальность и в этой скрытой от посторонних глаз действительности спрятана девочка, особенная чем-то девочка, но чем именно, Деи не ясно. Она только знает наверняка (как и полагается во сне), что имеет к этой девочке какое-то отношение. И вот они теперь вдвоем ходят по лабиринтам этого странного места.

Сколько продолжались их мытарства, Дея так и не вспомнила, может, день, а может и неделю, но не это было важно в том сне. Важными были голоса, она слышала их доносящимися откуда-то издалека. Голоса принадлежали двум мужчинам, они спорили о чем-то и у Деи сложилось впечатление, что предметом их спора была блуждающая с ней в лабиринте девушка.

Дея мучила себя, заставляя вспомнить, что именно говорили те мужчины, потому что это было очень важно. Но в тот момент, когда ей показалось, что она вот-вот вспомнит, в дверь постучали.

– Войдите, – с досадой крикнула она.

Поступь Яна она узнала сразу. Он зашел в спальню и остановился на пороге, оперевшись о наличник.

– Тебя опять посетил мозгоклюй во время утреннего туалета? – улыбаясь, поинтересовался он.

Дея развернулась к нему и вопросительно приподняла бровь. Он подошел, мягко высвободил щетку из ее рук и принялся сам расчесывать ее ужасно спутанные волосы.

– Пора бы уже понять, Дея, я знаю все твои повадки наизусть, как впрочем, и ты мои, – говорил он, пытаясь распутать пряди. – У тебя расчесана только одна прядь, а все остальные даже не тронуты.

– И правда, – улыбнулась она, изучая отражение в зеркале. – Плохо спала, ворочалась, ерунда всякая снилась, – она на секунду задумалась, а потом неожиданно для самой себя выпалила. – Знаешь, мне иногда кажется, что мы все на самом деле спим и видим сон или не сон, а чью-нибудь фантазию, не нашу собственную, а чужую! Понимаешь?

- Честно говоря, не совсем, – протянул Ян, с бестолковым видом уставившись на подругу.
– Да, ты прав, глупости, – пробормотала она поспешно. – А тебе удалось выспаться? –

Спросила она небрежным тоном.

Ян отмахнулся от ответа, ему не хотелось говорить, что всю ночь он просидел на кровати, разглядывая костяшки своих пальцев. А на утро обнаружил себя на полу, свернувшегося калачиком и накрытого стянутой с кровати подушкой.

Он знал, что нечестно скрывать от Деи ту метаморфозу, которая приключилась с его братской любовью, когда она из нескладной, конопатой худышки стала превращаться в царственную лебедь. Все жизненные основания снесло новой волной, производя непостижимую и непоправимую уже замену одних желаний и стремлений на другие.

До того как они попали в Багорт, Дея была его единственным другом, единственным родным человечком в чужом, как ему всегда казалось, мире. И он даже не сразу осознал, что стал любоваться ею как-то иначе, не так как прежде. Ее бело-золотая, прозрачная, несовершеннолетняя красота медленно завладевала им. Он дышал ее ароматом – тонким, яблочно-сладковатым, едва уловимым и от этого еще более желанным. Аромат этот прятался где-то в янтарной пышности ее волос. Таясь и смущаясь, Ян впитывал в себя этот яблочный дурман, пьянея и впадая в зависимость от него.

Вскоре ее спеющий сок стал наркотиком для него, он словно алкоголик крался ночью по кухне в поисках красных, налитых жизнью плодов, чтобы вдыхать их, сравнивая с ней. Но яблоки были лишь суррогатом, несравнимым с ее юным благоуханием. Ян и опомниться не успел, как понял, что произошло непоправимое – он влюбился в подругу, которую знал с младенчества и всегда считал сестрой. Влюбился по юношески – неуклюже, стыдливо, отчаянно.

Он старался думать о ней как прежде, но когда она сидела перед ним, окутанная полуденным солнцем, в одном тоненьком пеньюаре, он при всем желании не мог видеть в ней сестру. Вот только признаться в этом было мучительно стыдно и Ян тянул, тянул и тянул и чем дольше он это делал, тем сложнее было решиться на признание. Он все чаще воображал, что как только откроется, она чего доброго подумает, будто он специально скрывался, чтобы она не таилась от него, и он мог беспрепятственно любоваться ее прелестью, как и прежде.

Глупость, конечно, Дея слишком умна, чтобы подумать, что это могло быть единственной причиной, по которой Ян так долго скрывал свои подлинные чувства к ней. И все же, наряду с хороводом других мыслей эта казалась не такой уж и нелепой.

Естественно, главной причиной был страх потерять ее. Ян видел, что она привязана к нему и может даже любить, но, скорее всего, как брата, и если он откроется ей, то все может рухнуть в одночасье. Он больше не сможет смело смотреть ей в глаза, расчесывать как сейчас ее волосы, кружить и переносить через лужи на руках. А она не обовьет больше своей тонкой ручкой его шею, не потеревит его непослушные волосы. Она даже вряд ли возьмет его за руку, потому что будет знать, что для него это теперь значит нечто иное.

Сможет ли она остаться ему другом или замкнется и уйдет в себя? Словом, Ян не хотел терять ту гармонию и легкость, которая была меж ними всегда, поэтому и молчал.

– Помнишь, как в детстве мы прятались от няnek в заросли репейника, а я потом вычесывал его из твоих волос? А однажды они так спутались, что пришлось отстричь целую прядь, – углубился Ян в воспоминания.

– Да, я еще тогда проревела весь вечер, а ты сказал, что даже с такой паклей на голове я все равно самая красивая девчонка в интернате.

– Знаешь, при всей этой путанице, которая сейчас с нами происходит, мне не хотелось бы возвращаться в детство, – проговорил Ян, запинаясь.

Дея посмотрела на его отражение в зеркале, но ничего не ответила.

– Нет, ты не подумай, что в детстве не было ничего хорошего, – поспешно заговорил Ян, опускаясь перед ней на колени и хватая ее руки. – Было! Но оно и сейчас со мной. Там, в другом мире я чувствовал себя каким-то чужим, неприкаянным. Вспомни, у нас не было друзей, нас все сторонились, даже тебя. Это всегда было для меня загадкой, ведь ты умела привлечь к себе внимание, но люди все равно побаивались тебя, не понимая почему. А с тех пор как мы попали сюда, я впервые чувствую себя по-настоящему нужным. Мне кажется, я становлюсь чем-то большим. Я ощущаю себя частью чего-то очень важного, понимаешь? – Он по-прежнему держал ее руки в своих, пытаясь увидеть в ее лице радость, но Дея молчала. – Тебе кажется, что ты и здесь чужая? – спросил он, ощутив испуг.

– Нет, Ян, не кажется, – отвечала она, мягко высвобождаясь, чтобы встать с пуфа и одеться к обеду, – но я и там не воспринимала себя чужой. Может, потому что у меня всегда был ты, а на других я и внимания-то особо не обращала. К тому же в том мире была своя прелесть, хотя теперь я понимаю, что без здешнего обилия зелени, я чахла. Она делает меня более живой, к тому же замок Мрамгора лучше любого музея, а Сив иногда играет в саду на флейте, да и ты как прежде рядом. Так что нет, я не чувствую себя здесь чужой, просто я не умею осваиваться на новых местах с твоей феноменальной скоростью.

Взяв с плетеного кресла небольшой сверток и извлекая из него платье нежного винного цвета, она напомнила Яну, что ему было бы неплохо отвернуться, пока она будет переодеваться.

Он поспешно поднялся и скрылся в каминной, позволив подруге спокойно одеться, а заодно избавив себя от соблазна повернуться в самый неподходящий момент.

С минуту из спальни доносилось шуршание плотного шелка, затем в проеме показалась расстроенная Дея в мешковато сидящем платье.

– При первой попытке Вайеса одеть меня по здешней моде, он забыл про обувь. На помощь тогда пришел Горий. Нет, я не жалею, без туфель я как-нибудь справилась бы, но о чем он думал, когда отсылал мне этот наряд? – сокрушалась Дея.

– Наверное, он подумал, что приличной девушке негоже ходить в одном и том же платье, – предположил Ян.

– Но у меня уже есть два платья.

– Видимо, он посчитал, что ты достойна третьего, – Яна почему-то забавляло негодование подруги из-за какого-то платья. – А чем оно тебя не устраивает?

Платье, и правда, было невероятно красивым; из плотного шелка, как и все наряды, которые здесь носились оно было Деи до пят, лиф и рукава расшиты цветочным орнаментом, но вот шнуровка, располагавшаяся на спине, спускалась непростительно низко.

– Как я, по его мнению, должна облачаться в это великолепие без посторонней помощи?! – восклицала Дея, поворачиваясь к Яну не зашнурованной спиной. – Он конечно говорил мне, что ничего не смыслит в женских нарядах, но чтобы до такой степени!

Ян почувствовал, как его щеки наливаются краской, жилка на виске запульсировала и все поплыло в каком-то удушливом тумане. Он поспешил перевести взгляд на подушки, разбросанные на диванчике.

– Я... – промямлил он в нерешительности. – Я сбегая за Вилой, она зашнурует это... его... – растерянно бормотал он.

– Не говори глупостей! Гонять пожилую женщину в башню из-за такой ерунды. Потом попрошу ее немного перешить его, а сейчас, надеюсь, и ты как-нибудь справишься, – она посмотрела на Яна, поражаясь его нерешительности. – Ну что ты встал как вкопанный, я зря в него втискивалась что ли? Помогите же мне.

И Яну ничего не оставалось, как подчиниться. Не сознаваться же подруге в причине своего замешательства, такое признание поставит ее в дурацкое положение.

Раньше он с трудностями подобного рода не сталкивался. Свою прежнюю одежду Дея одевала самостоятельно и его взору не представляла ее полуприкрытая поясница с тех пор, как она превратилась в объект вождления.

Трясушимися пальцами он кое-как зашнуровал ее платье и поспешил проводить к Вайесу. С момента его появления в Деиной комнате прошло уже больше часа, и теперь они едва поспевали к обеду. Прежде Яна расстроило бы то обстоятельство, что Вайес пригласил Дею без него, но сейчас он хотел поскорей сбежать в сад и опустить голову в фонтан. К тому же его ждали занятия с Маюн, Страж-птица, судя по всему, решила, во что бы то ни стало, сделать из него лучшего наездника во всем Багорте.

* * *

– О, моя дорогая, я так рад, что мой скромный подарок пришелся вам впору. Этот благородный цвет молодого вина так выгодно подчеркивает золото ваших волос, – рассыпался в любезностях Вайес, приветствуя свою гостью.

– Я благодарю вас за внимание, – смущенно отвечала Дея, – но я едва ли стою такого щедрого подарка.

Вайес, хитро улыбаясь, посмотрел на Дею, слегка склонив голову.

– Милое вы мое дитя, вы даже не догадываетесь, чего можете стоить, – загадочно промурлыкал хозяин кабинета, приглашая даму к уже сервированному столу. – А мои скромные дары можете считать прихотью уже не молодого человека, так и не обзаведшегося семьей и желающего побаловать двух юных созданий, лишившихся в детстве родительского внимания, – говорил он, пододвигая Деи стул. – Очень рекомендую вот этого расстегая, готов поклясться ничего вкусней стряпни тетушки Ведары вы еще не пробовали, – и Вайес ловко подцепил добрый кусок этого блюда, поместив его на тарелку Деи.

«Да, в галантности ему не откажешь», – подумала про себя девушка, отметив, что такое внимание ей невероятно льстит, но тут же устыдилась этого.

– Вы знаете, Вайес, я вот о чем сегодня думала, – начала она неуверенно. – Вы вот недвусмысленно намекаете, что относитесь к нам с Яном как к своим подопечным и всячески благоволите нам, а что если мы не друзья Багорту? Что если нас прислали сюда как шпионов.

– Ну конечно, моя дорогая, я думал об этом, потому и не отпускал вас от себя. Я хотел присмотреться к вам. Если вы помните, я уже говорил, что все кто попадает в Багорт, рано или поздно становятся его частью.

– Говорили, – согласилась Дея.

– Ну вот я и ждал проявления ваших истинных сущностей. Но должен признаться, что Ян превзошел все мои ожидания, – Вайес разлил по бокалам ароматное розовое вино и протянул один бокал Деи. – Вы, наверное, уже в курсе, что Багорт не единственный континент на Хоре. С нами соседствуют еще три. С двумя из них мы в дружественных отношениях, а вот третий настроен к нам весьма враждебно, – Вайес встал из-за стола и принялся расхаживать с бокалом вина по кабинету. – Думаю, причиной тому массовое переселение Ведов в Багорт. К ним повсюду относятся без должного уважения, – быстро проговорил он, видимо, решив, что необходимо уточнить, что переселение было добровольным и заморских чародеев никто не пытался переманить на свою сторону хитростью. – Вот они и предпочли жить здесь. Мы с большим уважением относимся к их мастерству и даже дали им место в большом совете. Там они были изгоями, здесь же стали почитаемыми гражданами.

– Да, я припоминаю, Ян говорил, что Веды живут и на других континентах, но их основные силы сосредоточены в Багорте. Он вообще сказал, что такая оборонительная сила как ваша другим континентам и не снилась.

– Да, – протянул Вайес и уставился в свой бокал, – наша оборона действительно превосходит любую другую и мы по праву считаемся одним из самых непреступных континентов, но лишь потому, что нас слишком часто пытались захватить, и мы научились защищаться.

Сама природа встала на нашу защиту, породив Хранителей. Я глубоко убежден, что вы связаны с Багортом гораздо теснее, чем представляете, – он выжидающе посмотрел на Дею.

– Вы знаете, не далее часа назад Ян говорил мне, что чувствовал себя там, где мы выросли чужим, а в Багорте отыскал призвание.

– И он совершенно прав, – подхватил ее мысль Вайес. – Хранитель – это призвание и даже если бы кто-нибудь пожелал от него уклониться, то не смог бы. Недаром Ян так ревностно оберегал вас все эти годы. Он стремится охранять Багорт и все, что с ним связано, это у него в крови. А там единственной частичкой Багорта были вы, Дея.

Девушка ошарашено смотрела на Верховного Хранителя. «Неужели безумные предположения Яна о том, что они могли родиться в Багорте и в самом деле правда?» – думала она.

– Я понимаю, что такое заявление шокирует кого угодно, но я все же подозреваю, что мои догадки верны и думаю, в ближайшее время они подтвердятся.

Дея по-прежнему сидела с чуть приоткрытым ртом и застывшей в руке вилкой. Она думала только о том, чтобы не начать сыпать вопросами, а позволить Вайесу самому приводить доводы в защиту своей невероятной теории.

– Видите ли, – продолжал тот, как ни в чем не бывало, – Хранители, так почитаемые простыми жителями Багорта и справедливо заслуживающие это почтение, являются гордостью Багорта и только его. Ни один другой континент не имеет такой защиты, Хранители рождаются только на этой части суши. Но если они попадают в другой мир, их способности не проявятся там в должной мере. Рожденный Хранителем может им стать только здесь – в самом Багорте.

– Вы хотите сказать, что Ян родился здесь, а в младенчестве его кто-то похитил? – дрогнувшим голосом спросила Дея.

– Совершенно верно, – с удивительным спокойствием подтвердил ее догадку Вайес. – Только мне думается, что вы оба родились здесь.

Бровь Деи медленно поползла вверх, становясь домиком. Конечно быть уроженкой Багорта было гораздо выгоднее, нежели вторженкой, но девушка с юношеским упорством не желала мириться со столь кардинальными переменами. К тому же, не хотелось выглядеть предательницей родной Земли, вскормившей ее своими хлебами, пусть даже не такими сдобными как в Мрамгоре.

– Но что, если нас похитили в младенчестве специально, чтобы вырастить вдали от дома и воспитать в нас враждебность к Баготу? А потом вернули, чтобы мы втерлись к вам в доверие и нанесли удар изнутри. Такой сценарий вы не рассматриваете? – запальчиво заявила Дея, совершенно не задумываясь, что оговаривает себя, так ей хотелось развенчать теорию Вайеса.

– Нет, – отрезал Верховный Хранитель. – Вы невнимательно слушали, Дея. Защита Багорта у Хранителя в крови, он не в силах сопротивляться этому. Вспомните же, как Ян оберегал вас там откуда вы пришли! Даже в чужом мире, там, где его дар не мог раскрыться, он оставался верен той частичке Багорта, которая всегда была в вас. Он умер бы за вас, если понадобилось бы. И наши недруги знают об этой особенности Хранителей.

Страшное разочарование обрушилось на Дею, словно гигантская снежная лавина. Вышло, что Ян все это время просто как марионетка, которую гены дергали за веревочки, выполнял свой долг перед Багортом! И будь на ее месте другая девчонка или парнишка, да хоть собачонка, прихваченная отсюда он так же рьяно защищал бы и их.

Она сидела опустошенная не в силах пошевелиться и проклинала тот день, когда потащила Яна в дурацкий музей Бродского.

Послышался звон колокольчика и Дея вздрогнула.

– О-о-о! – воскликнул хозяин кабинета. – Это пирог принесли. Специально для вас, душа моя, – он поспешно открыл дверь, впуская уже знакомого Деи белокурого мальчугана, несущего огромное блюдо с черничным пирогом, источающим сладчайший аромат.

Вайес принял у мальчугана блюдо, а тот, бросив украдкой любопытный взгляд на Дею, шмыгнул в дверной проем. Поставив на стол угощение, глава Мрамгора посмотрел на поникшую девушку своими пронизательными глазами так, что она поежилась, затем отрезал кусок и протянул ей.

– Добавьте ложечку меда в ту бочку дегтя, которую я на вас опрокинул, – произнес он вкрадчиво. – У Яна действительно не было выбора, он не мог не быть вашим другом, – устало проговорил он, опускаясь в кресло у камина. – И я даже подозреваю, что его избрали неслучайно. Его безоговорочная преданность Багорту должна была оказать службу там, куда вас отправили. Его отрядили на Землю качестве вашего телохранителя. Тот, кто это устроил, очень хорошо знал природу Хранителей. Вы, а точнее то, что в вас заключено, вероятно, представляет для этого человека или людей огромную ценность, раз они решились на двойное преступление. Но я не стал бы на вашем месте столь близко к сердцу принимать тот факт, что привязанность к вам Яна была предопределена. В конце концов, многие считают, что все в нашей жизни предсказано заранее, хотя я, если честно, поспорил бы с такими суждениями. Но, так или иначе, вы еще слишком юны, чтобы постичь всю сложность человеческих симпатий и привязанностей. Думаю, Ян все равно обратил бы на вас внимание, даже если бы вы выросли в Багорте, – Вайес лукаво подмигнул Деи, чем поразил ее не меньше, чем своими чудовищными догадками.

– Я правильно понимаю, что вы считаете меня уроженкой Багорта только потому, что Ян будучи оторванным от своего мира, выбрал в друзья именно меня, – спросила Дея, предприняв последнюю попытку разрушить доводы Вайеса.

– Вы забываете о том, что и сами наделены удивительными талантами – вы видите чужие чары, моя дорогая. И это неспроста.

– Но магов-кудесников во всех мирах хватает. Меня могли прислать, откуда угодно и поместить поближе к Яну, наложив какое-нибудь привлекающее заклятие.

– Вы пытаетесь усложнить и без того непростую ситуацию. Но не только Ян проявил свою принадлежность к Багорту, ведь вы неплохо справляетесь с обязанностями сборщика урожая, не правда ли?

– Да, но это всего лишь адаптация, только и всего. Для того чтобы обдирать деревья, не обязательно быть багортцем, – продолжала настаивать на своем Дея.

– Не обязательно, но я отказываюсь верить, что вы простая сборщица урожая. Убежден, ваш дар еще проявится.

Повисла долгая, тягостная пауза, Дея слушала, как потрескивает в камине догорающее палено, понимая, что бесполезно спорить с человеком, прожившим в разы дольше нее и к тому же являющимся Верховным Хранителем. Как бы ей не хотелось оспорить природу привязанности ее лучшего друга, она должна была признать, что доводы Вайеса весьма убедительны. К тому же она не знает и десятой части того, что ведомо мудрому Хранителю о материях, в которых им теперь приходится разбираться.

– Хорошо, будем считать, что вы меня убедили, – начала Дея, вспомнив об истинной цели своего прихода, – и будем надеяться, я так же, как и Ян, не могу навредить Багорту. Но, вообще-то, я пришла к вам сегодня для того, чтобы сказать, мое вчерашнее решение неизменно. Я не меньше вашего хочу узнать, кто лишил нас с Яном детства в родном доме и для чего.

– И вы действительно намерены выйти за пределы сада? – Вайес смотрел на нее испытующе. – Что ж, я согласен с вами. Пора вам познакомиться с Багортом. К тому же, по моему глубокому убеждению, ваш дар проявится в полной мере за оградой нашего сада.

Вайес немного помолчал, обдумывая какое-то решение, затем встал и позвонил в колокольчик. Через минуту в дверях показалась белобрысая голова мальчишки. Хозяин кабинета что-то тихонько ему сказал и тот сгреб остатки обеда со стола.

* * *

Весь остаток дня Ян провел на изнурительных тренировках с Маюн, она заставляла его отрабатывать оседлывание прямо на лету. Несколько раз он падал, набив пару внушительных синяков и стер ноги, потому как пришлось снять тяжеловесные ботинки, причиняющие неудобства птице. Освободился он, когда уже стемнело и, не обнаружив Дею у себя, пошел искать ее в библиотеке.

Она переделалась в простое ситцевое платье с цветочным узором и, склонившись над изрядно потрепанной книгой в кожаном переплете, машинально накручивала локон на палец.

Ян осторожно подкрался сзади и, перегнувшись через ее плечо, приподнял обложку, прочитав название – «История Мрамгора в картинах».

– Вот правильно, Дея, лучше пока изучай город дистанционно.

– Я изучаю историю Мрамгора, чтобы не производить завтра впечатление неграмотной провинциалки.

– Ты не отступишься, да? – спросил парень понуро.

– Нет, Ян, – отозвалась девушка. – Я, наконец, уяснила, что ты ни за что не вернешься на Землю, даже если нам представится такая возможность, а мне без тебя там делать нечего. Поэтому я должна разобраться как можно скорее в этой истории. Иначе я так и буду сидеть в своей башне, как Рапунцель, в ожидании таинственного освободителя, который разгадает все за меня.

– А почему бы и не посидеть, – ухватился за эту идею Ян. – Я выйду в город, отыщу этого шутника, а когда все разрешится, ты спустишь ко мне свои прекрасные волосы, – и он зарылся в них, вдыхая яблочный аромат.

Дея резко поднялась, захлопывая книгу.

– Как же ты не понимаешь, Ян! – прикрикнула она на друга. – Они ищут не тебя, а меня. И пока я прячусь за оградой замка, ничего не изменится.

Она поставила книгу на полку и стремительно выбежала из библиотеки, подбирая юбку. Ян нагнал ее уже на ступеньках в башню и преградил дорогу, упершись ладонью в стену.

– Пусти, – тихо и устало попросила она.

Ян боролся с противоречивыми желаниями. Ему одновременно хотелось схватить ее за плечи, вдавливая в каменную стену и в то же время легонько коснуться румяной щеки, ощутить атласистость нежной кожи. Но он не сделал ни того, ни другого, а просто стоял и смотрел, тяжело дыша. Дея тоже не могла отдышаться после подъема, и ее крохотные, девичьи грудки вздымались, натягивая лиф платья.

Ян задержал жадный взгляд на ее белой коже, сглотнул и хриплым голосом проговорил:

– Я зайду за тобой в десять, начнем знакомство с городом на торговой площади.

Дея устало кивнула и они разошлись по своим комнатам.

Ждана

Добравшись до своих комнат, Дея нашла в себе силы только на то, чтобы стянуть платье и забраться в кровать. Как только она укуталась в мягкое одеяло и почувствовала крошечную, но все же защиту от всего окружающего ее безумия, она уснула.

Проспала всю ночь, не видя снов и не просыпаясь.

Ян, как и обещал, зашел за ней в десять. Она уже ждала его в каминной, облачившись в свое любимое платье с белым жемчугом, а волосы убрав в высокую прическу.

– Ты решила покорить всех жителей Мрамгора? – поинтересовался Ян, разглядывая подругу и вспоминая, как впервые увидел ее в этом наряде стоящую за стеной в обрамлении весенней зелени.

– Мой выбор оказался не велик. Шелковое платье я отдала на перешивку, а это, – она указала на скомканный повседневный наряд, валяющейся на кресле, – безнадежно измято. У меня вообще складывается впечатление, что Вайес думает, будто в интернатах выращивают принцесс.

– Почему?

– Как еще объяснить тот факт, что из трех платьев подаренных им, только одно пригодно для каждодневной носки и работы в саду.

Ян решил, что как только получит первое жалование, сразу же закажет Деи еще одно приличное платье для работы. По правде сказать, ему нравились и шелк, и жоржет, и даже парча, в которые нередко облачались дамы и девушки, жившие или бывавшие в замке. Но то были представительницы благородных и богатых домов, а их с Деей прежний дом, в котором они выросли, этим титулом похвастаться не мог. К тому же, знатные матроны не работали в саду.

Пока Ян во всех подробностях представлял Дею в новеньком лавандовом платье из тонкого сатина, девушка думала о том, что они впервые увидят город при свете дня, ступая по земле, а не рассекая облака верхом на Маюн. Мрамгор и страшил и манил ее одновременно. И она вряд ли ответила бы сама себе, чего в ней было больше страха или желания разобраться в событиях, навсегда изменивших ее жизнь.

Но когда за спиной Деи сомкнулись ворота, за которыми ее прятали больше месяца, она почувствовала облегчение. Самое сложное – это сделать первый шаг, выйти из укрытия, покинуть насиженное место или сделать нечто такое, что казалось невозможным. Впереди их с Яном ожидало много испытаний, но самым трудным было решиться на них.

Ян досконально изучил город с воздуха и сейчас прекрасно ориентировался, проводя подругу по узким улочкам с одноэтажными домиками из того странного прозрачного материала, который в темноте они приняли за нечто одушевленное. При свете дня материал походил на стекло, только колышущееся на ветру. Располагались в таких домах мастерские, а полупрозрачными они были для того, чтобы конкурирующие между собой гильдии, отслеживали качество производимых товаров. Таким образом все мастера Мрамгора работали на высочайшем уровне, потому как дурная слава халтурщиков распространялась с поразительной скоростью.

Дея заглянула в один из таких домов и увидела, как дюжина мужчин сидя на низеньких скамеечках, ткнут фрагменты огромной шпалеры, быстро перебирая пальцами. Картон с эскизом стоял здесь же неподалеку. Самым удивительным ей показалось то, что ткали они с изнанки, а лицевую часть сверяли с образцом, ориентируясь по отражению в зеркале, перед которым и сидели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.